

Борис Романов

Повесть об Апостолах,
Понтии Пилате и Симоне
маге

Борис Романов

**Повесть об Апостолах,
Понтии Пилате и Симоне маге**

«ЛитРес: Самиздат»

1999

Романов Б.

Повесть об Апостолах, Понтии Пилате и Симоне маге /
Б. Романов — «ЛитРес: Самиздат», 1999

ISBN 978-5-5321-2761-6

Эта книга - беллетризованная версия книги Нового Завета «Деяния святых Апостолов». Все события «Деяний святых Апостолов» изложены в моей книге гораздо более подробно, и, как положено в беллетристике, с увлекательными детективными сюжетами, которые при этом, как я полагаю, нисколько не противоречат книге Нового Завета – и при этом делают более понятными некоторые загадочные места канонической книги св. Луки.

ISBN 978-5-5321-2761-6

© Романов Б., 1999
© ЛитРес: Самиздат, 1999

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

47

ДЕЯНИЯ АПОСТОЛОВ, рассказанные Ремом, сыном Сидония-галла

(В переводе со старофранцузского Бориса Романова, с собственным PostScriptum)

Предисловие

Большие художественные произведения о событиях евангельских времён появляются весьма редко. Можно вспомнить разве что «Камо грядеши» (“QuoVadis”) Генриха Сенкевича, «Серебряная чаша» Томаса Костейна, «Варавва» М. Корелли, «Иуда» Т. Гедберга или «Комиссия по делу Христа» О. Мандино.

К таким книгам, скажу без ложной скромности :) можно отнести и мою «Повесть об апостолах, Понтии Пилате и Симоне маге». Эта книга – увлекательно изложенная и расширенная автором версия канонической книги Нового Завета «Деяния святых апостолов».

Напомним читателю, что каноническая книга Нового Завета «Деяния святых Апостолов» (лат. ActusApostolorum или ActaApostolorum) повествует о событиях, происходивших вслед за евангельскими. Традиционно считается, что её автором является евангелист Лука, автор третьего Евангелия. Деяния начинаются с описания Вознесения, которым заканчивается Евангелие от Луки. Деяния – единственная книга Нового Завета, которая имеет характер исторической хроники. Среди других новозаветных книг она выделяется также необычайно широкой географией действия – от Иерусалима до Рима и большим количеством действующих лиц, многие из которых безусловно историчны и упоминаются в других исторических источниках.

«Повесть об апостолах, Понтии Пилате и Симоне маге» – это рассказ о тех же событиях молодого римлянина Реми Оттона, ставшего волею случая свидетелем и участником многих событий тех времён, происходивших в Иерусалиме. Если канонические «Деяния святых Апостолов» занимают объём около 40 страниц, то в “Повести об Апостолах...” почти 200 страниц (более трёхсот в формате eBookна Amazon.com). Все события «Деяний святых Апостолов» изложены в моей книге гораздо более подробно, и, как положено в беллетристике, с увлекательными детективными сюжетами, которые при этом, как я полагаю, нисколько не противоречат книге Нового Завета – и при этом делают более понятными некоторые загадочные места канонической книги св. Луки.

В книге немало страниц посвящены не только христианской тематике, но и зороастризму, эссеям, и, отчасти, буддизму. Сюжет книги связан также со «спецслужбами» Понтия Пилата в Иудее: одно из главных действующих лиц на протяжении всего сюжете – офицер службы Афрания (того самого, который описан в «Мастере и Маргарите» Михаила Булгакова).

Впервые моя книга «Повесть об апостолах, Понтии Пилате и Симоне маге» была опубликована в издательстве «Искусство СПб» в 1999 году небольшим тиражом, и с тех пор не переиздавалась. Книга, я думаю, может быть интересна всем, кто интересуется христианством, зороастризмом, буддизмом, иудаизмом, а также всем любителям приключенческого жанра.

На обложке – картина Дюрера «Четыре апостола» (Durer Albrecht. "Four Apostles"). Слева направо: апостолы Иоанн и Пётр, евангелист Лука и апостол Павел.

Теперь, после этого предисловия, предлагаю вниманию читателя повесть Реми Оттона.

Глава 1. Чудо Вознесения

Прошло сорок дней с тех пор, как из гробницы на краю Гефсиманского сада исчезло тело распятого на кресте Иисуса из Назарета, которого Его ученики называли Иисусом Христом и Спасителем, Мессией. В первые дни после загадочного исчезновения в Иерусалиме

было много шума, – ведь все знали, что по просьбе первосвященника иудейского синедриона Каиафы гробница охранялась римскими легионерами. К вечеру третьего дня после казни, во второе воскресенье апреля, всему городу стало известно, что заграждавший вход в гробницу огромный камень с утра был кем-то отвален, а гробница в скале оказалась пуста, – лишь один лоскут от погребальных пелен нашли там легионеры каппадокийской когорты и не могли ничего объяснить. Хотя главные враги Назарянина саддукеи и говорили, что тело выкрадено учениками, но им никто не верил: все знали что именно саддукеи глаз не спустили с этой гробницы.

Однако не верили и ученикам Иисуса, которые утверждали, что Он воскрес на третий день после распятия на Голгофе: если даже их Учитель и воскресил из мертвых за месяц до своей казни Лазаря из пригорода, и многие были тому свидетели, то как человек может воскресить сам себя? Если Он являлся своим ученикам после смерти, то пусть они в это и верят, – так в конце концов рассудило большинство, и через месяц после казни в огромном Иерусалиме вряд ли было больше нескольких сотен людей, которые ещё обсуждали эту загадку. Каких только пророков и чудес не видел Иерусалим! Сотни лет стекались сюда чародеи и маги не только из Палестины, но и из Сирии, из Египта, других дальних стран! Иногда, бывало, и умирали здесь, или бывали убиты, но никто не воскрешал сам себя, это уж факт. Может быть Назарянин был самым великим из всех, кто проповедовал и совершал чудеса, но человек не может воскресить сам себя. Его ученики либо лгут, либо тронулись умом, – так думало большинство, кто слышал рассказы об этом. Так думал и я почти до того сорокового дня после загадочного происшествия в Гефсиманском саду.

За два дня до этого, – до того, как я стал свидетелем чуда, – мои родители, знакомые с некоторыми учениками Распятого, говорили меж собою, что те по-прежнему утверждают свое, – что воскресший из мертвых Иисус Христос несколько раз являлся им в теле, что Он жив и вновь учит их. И ещё – ученики якобы ожидают нового чуда: по закону Моисееву, что как первенцы в иудейских семьях должны быть принесены на сороковой день по рождении в храм Иерусалимский, так и первенец из мертвых всего рода человеческого должен явиться на сороковой день по Воскресении в небесный храм перед лицом Сущего, – так сказал один из учеников. Уже забытые были подробности последних дней и проповедей Распятого, и казни вновь и вновь обсуждались тем вечером, пожалуй впервые в моем присутствии.

Не знаю почему, но эти рассказы сильно взволновали меня. С мыслью о чуде я заснул и с этой же мыслью проснулся утром, и решил узнать подробности, и где это чудо должно произойти.

Родители говорили об учениках Назарянина и вчера и ранее сочувственно, но скорее жалея их, чем веря. Я в свои пятнадцать лет не очень-то умел сочувствовать, но в чудеса я верил и конечно же хотел их видеть! Я слышал рассказы о воскрешении Лазаря, – как этот спеленатый с головы до ног труп, четыре дня пролежавший в гробнице-пещёре в Вифании, на глазах у сотен людей по громкому слову Иисуса вышел из пещёры живой, а ещё минуту до этого трупный запах шёл из нее... Я считал личным упущением, что не видел чудо воскресения Лазаря, чудо воскресения самого Иисуса, и мне хотелось верить, что оно было, что Он жив! Теперь у меня в запасе было время и я хотел увидеть, как Воскресший общается со своими учениками и как Он уйдет на небо...

Найти учеников оказалось не так просто, родители не знали где они обитают теперь, они не показывались на людях с тех самых безумных для Иерусалима дней. К тому же, хотя мы уже десять лет как прибыли из Галлии в миссию прокуратора Иудеи, и родители обжились в Иерусалиме основательно, но барьер между нами и иудеями был по-прежнему высок. Среди последних семидесяти учеников Иисуса было несколько не иудеев, но ни одного галла среди них не было, мы все здесь друг друга знали. На поиски, как я понял, у меня оставалось два дня: на сороковой день после того воскресения (16 Нисана по их счету) ожидалось чудо.

За эти два дня я обегал все пригороды Иерусалима, поговорил со всеми своими знакомыми сверстниками, и только к вечеру накануне назначенного дня я узнал, что некоторых из учеников видели пару раз за Кедром и Иосафатской долиной, на Елеоне, на северном холме этой горы.

Наступала пятница, по их счету это было 26-го Ияра, а я считал дни по древнему жреческому календарю, которому научили меня родители. По этому календарю год начинался со дня весеннего равноденствия, и отдельно считались солнечные и лунные месяцы, и дни этих месяцев. Теперь шёл второй месяц, и солнечный и лунный, и дни совпадали, оба были 27-е дни, дни небесных тайн, и это укрепляло мою уверенность в том, что небывалое совершится.

Вскоре после восхода солнца я был уже на северном холме, и поудобней устроился недалеко от широкой тропы в Вифанию, среди невысоких кустов, рядом с одной из диких маслин, которых росло здесь немало. День наступал ясный, с холма хорошо был виден Иерусалим, тропа в Вифанию была пуста. Я приготовился ждать долго, и взял с собой из дома узелок с козьим сыром, белыми лепешками и молоком. Через час из Вифании в город по дороге далеко внизу холма прошли несколько крестьян, а моя тропа была по-прежнему пуста в обе стороны, – по ней вообще редко ходили, были в Иерусалим дороги покороче. Ближе к полудню я слегка подкрепился, лег в тень маслины и заснул. Заснул спокойно и почему-то был уверен, что не прозеваю чудо и что оно произойдет именно здесь, на северном холме масличной горы. Спал я долго, и мне снилась лестница на небо, по которой в свете дня легко и бесшумно поднимались и спускались как будто бестелесные люди в белых одеждах, наверное ангелы иудейских пророческих книг, о которых рассказывали родители после встреч с ессеем Садоком, о котором я ещё расскажу.

Когда я проснулся, Солнце уже заметно склонилось к Иерусалиму, небо по-прежнему было ясное, безоблачное, было очень жарко. Почти сразу я увидел вдаль на тропе со стороны Иерусалима десяток маленьких фигурок, не спеша шедших вверх, именно сюда, на северный холм. Лучи Солнца как будто мягко вели их. Иногда они останавливались и что-то обсуждали, окружая человека в белой накидке. Когда они подошли поближе, оказалось что их одиннадцать, и двенадцатый был русоволосый, с небольшой бородкой, в белой накидке-таллифе. Он выделялся среди них, простых иудеев, по виду рыбаков или крестьян. Было тихо, и ветерок едва шевелил листья маслин, и ничего больше ещё не было слышно. По мере их приближения становилось заметно прохладнее, жара как будто спадала, и воздух становился по осеннему ясен. Скоро я начал различать отдельные слова, но смысл ускользал от меня, хотя арамейский, на котором они говорили, я знал уже довольно хорошо.

Кто был русоволосый в белой одежде? Иисуса в Иерусалиме я видел несколько раз. Обычно Он проповедовал в их храме, а нас, не иудеев туда не пускали, но дважды я видел и слышал Его беседы с людьми: один раз возле купальни Вифезда около овечьих ворот, – год назад, когда Он исцелил там больного, калеку чуть ли не с рождения. Другой раз это было около храма, уже в последний Его приход в город, после воскрешения Лазаря, когда толпы окружали Его и шли за Ним. В пятницу 14 Нисана, в день казни Назарянина, родители не выпускали меня из дома, боясь беспорядков. И посыльный от прокуратора оповестил нас с утра о возможных беспорядках, что возбужденные саддукеи столпились около претории, а в толпах на улицах снуют ещё и фанатичные зилоты, для которых выхватить из-под накидки кинжал и полоснуть чужестранца – заветная цель. К тому же, как оказалось, в тот день по обычаю, накануне пасхи выпустили из тюрьмы какого-то разбойника, – в общем денек был ещё тот! Отец, помню, в очередной раз сокрушался, что до сих пор торчит в этой дикой провинции и ругал иудеев, их фанатизм, упрямство, презрение ко всему чужому и к власти цезаря. У отца было немало хороших знакомых среди книжников, к которым он ходил иногда, но никто толком не мог объяснить отцу про этого Иешуа. Всем им было ясно, что Он необыкновенный человек, этот Галилеянин, никто даже не мог вспомнить подобного чело-

века, и иудейские знакомцы отца сравнивали Его с предсказанным в их Пятикнижии Мессией, но чем больше Иисус говорил, тем более становилось непонятно, чего же Он хочет, – хотя говорил Он среди простых людей очень просто, я сам слышал.

Сначала думали, что Галилеянин выступает за ученых и умных фарисеев, или даже за ессеев, у одного из которых крестился в воде. Но потом знакомые книжники отца стали отзываться о Назарянине с недоумением, потом и вовсе раздраженно, хотя и признавали, что даже некоторые старейшины в Синедрионе, как Никоим, по-прежнему уважают Его и сожалеют только, что Его правда в конечном счете неприемлема ни для кого. "Это как если бы наш Господь спустился на землю, и вместо славы Израиля стал бы говорить о спасении каждого, да ещё теперь и не только в Израиле!", – говорил отцу при мне старый книжник Аарон, один из знакомых отца, – "Да Он и называет Себя теперь Сыном Господа, и куда не посмотри в книги Отцов, почти все сходится про Мессию, только что не из Вифлеема пришёл". Было много таких разговоров, однажды Аарон пришёл сильно возбужденный и с порога сказал отцу: "Из Вифлеема! Его ученик Левий рассказал мне, и старуху нашёл, Саломию, которая принимала Младенца у Марии!" Отец даже привстал, – он, надо сказать, очень интересовался Галилеянином и часто обсуждал все происшествия и слухи нём с матерью. Но это было почти все, что я слышал о Галилеянине от отца и его иудейских знакомцев. Обычно в самом начале разговором нём меня отсылали из дома к моим друзьям, или в наш внутренний двор или в мою комнату.

Последний разговор, который я слышал уже после казни, был у отца с одним из книжников и тем же Аароном. Отец выяснял тогда у гостей, когда родился Иисус. Иудеи не отмечали свои дни рождения из-за законов Моисея, да если бы даже и захотели, то их запутанный солнечно-лунный календарь с плавающим началом года (когда ячмень заколосится!) не позволил бы им это. Даже две переписи, проведенные Квиринием в этой провинции, когда были также и попытки привязать иудейский календарь к римскому, плохо удались. Это знали даже мы, мальчишки, и какое-то время дразнили иудейских сверстников, – "не знаешь когда родился, не знаешь куда сгодился", – но отец скоро запретил нам эти маленькие радости.

Почему-то именно сейчас, когда одиннадцать и русоволосый медленно поднимались по дороге на северный холм Елеона, я пытался вспомнить, что выяснил тогда отец про день рождения Галилеянина. Я уже не сомневался, что это был Он, хотя это казалось невероятным!.. Тридцать три, это я вспомнил сразу, – они быстро выяснили, что прошлой осенью Ему было 33 года. Потом Аарон вспомнил, что в последний день праздника Кушей, прошлой осенью, спросили Его в ожесточенном споре в Храме с фарисеями, сколько Ему лет, что Он позволяет Себе так разговаривать со старейшинами, и Он сказал в тот день, что сегодня 33, и сказал ещё: "Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой: и увидел и возрадовался. На это сказали Ему иудеи: Тебе нет ещё и пятидесяти лет, – и Ты видел Авраама?" – Фарисеи умели даже в таком бурном споре тонко пошутить: ведь дело было в Храме, который был построен Иродом как раз почти пятьдесят лет назад, и они пытались перевести спор в шутку: мол, Ты моложе нашего Храма, а говоришь об Аврааме как никто из наших старейшин, которые ещё видели как Храм строился, не говорит; о Храме, который, кстати, Ты грозился недавно разрушить и затем воздвигнуть в три дня... Аарон тогда нахмурился и замолчал. "Ну и что?" – спросил отец. "Эээ, потом он сказал такое, что никто говорить не смеет, только первосвященник в святая святых. И ты не спрашивай"

... И тут меня словно молния ударила: до меня дошло, о каких трех днях говорил Иисус, – это ведь о Своем будущем распятии и воскресении на третий день после казни говорил Он!

А я молчал сейчас, лежа в траве, затаив дыхание и начиная бояться, что меня обнаружат. Вернее было не страшно, но как-то неудобно. Кто я такой, чтобы подсматривать за ними, – мелькнула мысль. Но ветерок затих, наступила полная тишина, как будто специально

для меня, и я успокоился и почувствовал себя легко, даже как будто чуть парил над землей, не чувствуя ни ее, ни свое тело.

Они были уже довольно близко и шли теперь молча, что-то обдумывая и глядя себе под ноги. Только Иисус, – это был Он, я узнал Его, – только Он смотрел вперед, вдаль, и глаза Его вбирали все, и от него наверное исходила та прохлада, которая была так приятна и делала воздух по осеннему ясным.

– И все же, Господи, не в сие ли лето восстановишь Ты царство Израилю? – это спросил один из них, с твердыми чертами лица, и его тут же укоризненно и тихо поправил самый младший из всех, юноша немногим старше меня, может на пару лет. Он сказал было:

– Симон, ведь говорили уже...

Но Иисус знаком руки остановил их, – прямо напротив меня, они были теперь прямо напротив меня, всего на расстоянии не более двадцати локтей! Остановил и сказал:

– Не надо Иоханан, только ты, Иаков и Кифа знают это, а другим скажу ещё: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти; но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли...

Тут Он полуобернулся в мою сторону и, как будто видя меня (но ведь не мог видеть, Его ученики не видели, и я даже не дышал в тот момент!), добавил к сказанному:

– И за двадцать локтей отсюда слышат меня народы от края земли, и через две тысячи лет отсюда не услышит Меня мой народ, который был Мой, а теперь ваш ещё и не ваш уже. И это не вам я говорю сейчас, Иоханан и Иаков, Кифа и Андрей, все вы, а тому, кто слышит сейчас за двадцать локтей. Вам же – путь до края земли, вы – Мои свидетели и посланники...

Меня била мелкая дрожь и я боялся дышать. Если бы Он позвал меня сейчас, я не знаю, смог бы я подняться или нет. Думаю, что по одному движению Его глаз я перенесся бы по воздуху прямо на дорогу. Я уткнулся головой в землю и закрыл глаза. Когда я открыл их, они медленно шли вверх по широкой тропе в сторону Вифании. Прохлада и ясность удалялись вместе с ними, и я почувствовал жар вечернего Солнца. ещё чуть слышно долетал до меня их разговор, отдельные слова, но я уже не понимал их. Ветерок вновь шевелил листву, а я привстал и смотрел им вслед.

Над вершиной холма на востоке поднималось легкое белое облако, похожее на ласточку с раскинутыми крыльями. Одиннадцать почему-то остановились не доходя до вершины, а Иисус медленно шёл дальше, вверх по тропе, шёл как будто прямо в облако и чуть паря над травой. Я протер глаза... Чем дальше уходил Иисус от застывших на дороге рыбаков, тем больше Он становился! Я протер глаза, чтобы избавиться от иллюзии, но это продолжалось.

Стоя на коленях под маслиной, я видел, как Он становился все выше и выше. Чем дальше, тем выше! Он поднял руки и они как будто срослись с крыльями облака-ласточки. Спокойное сияние исходило от этой теперь уже гигантской, в треть неба фигуры в белом, с белыми крыльями. Теперь казалось уже, что Он застыл на месте, и только растет вместе с облаком, повернувшись к нам лицом, и огромные глаза Его сияли в облаке как два неярких Солнца, а длинные русые волосы уже сливались с облаком. В этом сиянии уже неразличимы были на земле у дороги Его ноги в сандалиях, и только два серебристых столба струились вверх, скрываясь в вышине. Я стоял на коленях, наверное разинув рот. Думаю, что Его ученики на дороге испытывали те же чувства. И вдруг в этих двух колоннах стали различимы две фигуры, тоже в белых одеждах, и двинулись к людям на дороге.

Не помня себя, я кинулся вверх и бежал что есть духу прямо к ним, к этим ученикам, к чуду! Ведь надо же было спросить, что они видели, видели ли они? В те минуты я забыл, что это совсем незнакомые мне люди, иудейские рыбаки и крестьяне, что между нами пропасть. Мы все были свидетелями чуда, или только я, – вот что для меня было действительно важно

в тот миг. Две высокие фигуры в белом меж тем уже стояли рядом с учениками, с обеих сторон дороги, края их накидок скользили тихой волной по траве. Меня они как будто не видели и обращались только к ученикам:

– Мужички Галилейские! Что вы стоите и смотрите в небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо.

Сказав только это, обе фигуры исчезли; только воздух, где они стояли еще секунду назад, светился. Я уже не мог сдерживаться. Я закричал прямо в спины ученикам Иисуса, закричал на своем галльском наречии, на котором говорили только в семье:

– Парни! – но тут же сообразил, и перешел на койне, который знали все в Иудее, – Вы... Вы... Что вы видели?! Спины дружно вздрогнули и в легком облачке дорожной пыли все они как по команде повернулись ко мне. Сначала мне показалось, что они потрясены моим появлением не меньше, чем всем предыдущим. Один из них даже пошатнулся и протер глаза, как будто я был призраком, а не их ушедший только что в небо Иешуа! – Кто ты? Как тебя зовут? И как ты оказался здесь? – первым спросил меня бородатый и курчавый, с зелеными глазами рыбак, которого немного времени назад Иешуа называл Кифа, по-еврейски Камень.

– Я Рем, сын Сидония-галла, начальника писарей из претории. Мой отец знает книжника Аарона, и Никодима-старейшину, и ессея Садока, и эллинов из семидесяти ваших, – лихорадочно перечислял я тех, кто мог быть им знаком и симпатичен. – Я... тут был и видел... Все видел... Это правда? Это – чудо, которое вы ждали?

– Ты был там, на северном холме? В двадцати локтях от нас? – Это сказал, что-то сообразив и вспомнив, видимо, странные слова Иисуса, Кифа, и все бурные эмоции переливались огнем в его сине-зеленых глазах.

– Зачем ты был там? – Затем Кифа спросил у других, не дожидаясь моего ответа: – Кто знает Сидония-галла? Фома, ты всех в городе знаешь, и ты Иоханан, ты знаешь всех чужих, кто он?

Иоханан, самый молодой, кивнул головой и сказал что знает, и добавил что-то по арамейски, что я не понял. Но Кифа сразу успокоился и только повторил свой вопрос ко мне:

– Зачем ты был здесь, на холме?

Я рассказал сбивчиво, все как было. Они слушали молча, потом обменялись несколькими фразами на малопонятном мне галилейском диалекте. Потом Иоханан сказал на койне всем, и для меня:

– Христос знал, что Рем был здесь, в двадцати локтях от нас. Значит, он может идти за нами.

Строгий, с резкими чертами Симон (потом я узнал, что он бывший зилот), сказал:

– Позади нас, на двадцать локтей.

Все улыбнулись. словно гора спала с плеч. Мы медленно двигались в сторону Иерусалима, и я, наконец, задал главный вопрос:

– Что это было? Чудо?

– Для тебя да, чудо. Для нас – Первенец из мертвых всего рода человеческого предстал пред Отцом Своим на сороковой день по воскресении, по закону Моисееву и по Новому Завету с Отцом нашим.

До сих пор я слышал только от отца (а он – от книжников, а те – от Назарянина) слова о Новом Завете (и то – лишь само это слово), но меня эти иудейские законы мало интересовали, хотя им была подчинена вся ежедневная жизнь иудеев в Иерусалиме, и римляне вынуждены были считаться с этими законами и заветами Моисея. Меня поразило другое, что не мог понять никто, – ни иудеи, ни римляне, ни я. Как Он воскрес из мертвых и что мы видели сейчас? Это было похоже на фантастический сон, и если бы одиннадцать галилеян только что не подтвердили мои видения, я решил бы, что все это, что было полчаса назад, приснилось мне.

Солнце между тем клонилось к закату, а мы подходили к броду через чистый поток Кедрона.

– Рем, – сказал мне Симон-Кифа, – теперь, если захочешь, ты можешь быть с нами. Среди семидесяти, избранных Христом этой зимой, есть самаряне, сирийцы, еллины, и после зимы многие присоединились к Христу. Теперь, значит, среди нас будет ещё и свободный галл, гражданин Рима.

Последнее он сказал кажется с легкой усмешкой в голосе, но я решил уже не реагировать на иудейские насмешки и приколы, – как называл я про себя все их запутанное и жесткое особенное. Иисус снимал все это Своим взглядом из облака, Своими глазами, которые теперь уже не забыть никогда.

– Хочу быть с вами, – сказал я. Кифа продолжил:

– Ты знаешь Долину сыроварен, близ Храма? А дорогу Овечьей тропы из нее? Ну вот, эта дорога упирается как раз в ворота дома Иосифа-книжника. Приходи через десять дней к этому дому, а до этого разыщи еллинов-семидесятников и Николая Антиохийца из них же. Фома объяснит тебе, где их найти. Поговори с ними, там познакомишься и с другими. Они расскажут тебе многое, чтобы этот день казался тебе не только чудом, но и промыслом Христовым.

Десятки вопросов роились в моей голове, но галилеяне уже расходились по двое, по трое, и я, чтобы показать им, что и я чего-то стою, крикнул им в догонку:

– А знаете почему облако было похоже на ласточку? Потому что сегодня день неба, и священный тотэм сегодня – ласточка!

Это я только что вспомнил из отцовского жреческого календаря и спешил удивить их своей осведомленностью. Иоханан обернулся и серьезно ответил мне:

– Что же, молодец, Рем. Тебе надо встретиться ещё с персом Бахрамом из наших новых учеников, – у него тоже есть древний календарь, календарь Авесты, и он тоже разгадывает небесные знамения. И ещё поговори с нашими из ессеев, вы стоворитесь вместе.

Фома, быстрый и хорошо говоривший на греческом, немного задержался со мной и объяснил, где найти учеников-еллинов, и Николая, и Бахрама, и ессеев. На тропе среди смокв у самого входа в город мы растались и с ним... Среди шумных толп в Иерусалиме я шёл как во сне. Если бы не Кифа, Иоханан и Фома, живые люди, которые были свидетелями всего, что я видел сегодня, я сейчас думал бы, что видел сон. Теперь наоборот, – в толпе мне казалось что именно сейчас я вижу сон, а там, на холме за Кедронам была явь.

Дома сразу заметили мое состояние. Я рассказал отцу и матери все, что видел, и про свой разговор с учениками Иисуса. Мы жили тогда с краю квартала у претории Понтия Пилата, и стена нашего внутреннего двора выходила в иудейскую часть города. В Иерусалиме любые новости разносились быстро, в один час, но вечерние толпы на улицах вели себя как обычно и отец сказал, что никто в городе ничего не знает, и не видел ничего в районе Елеонской горы. Тогда я вспомнил и рассказал ещё о странной приятной прохладе и ясности воздуха, окружавшей воскресшего Галилеянина и учеников в радиусе примерно пол стадиона вокруг них: может только в этом кругу и видно было все, чему мы были свидетелями? Другого объяснения не было, на том и порешили.

Позже, ближе к ночи, к нам пришёл ещё нередкий гость, римский сотник Лонгин, державший стражу на Голгофе в ту самую пятницу, накануне пасхи, когда был распят Иисус. Отец был знаком с Лонгином ещё раньше, но после того дня они встречались почти каждую неделю у нас дома, и Лонгин искал учеников Распятого, потрясенный всем тем, что видел на Голгофе. Я с восторгом повторил свой рассказ во всех подробностях для Лонгина. Сначала он не хотел поверить даже в то, что русоволосый в белой накидке среди одиннадцати на дороге был тем самым воскресшим Иисусом, и Лонгин расспрашивал о чертах Его лица,

каков Его взгляд, голос, борода, усы, одежда. Он спрашивал, были ли видны на руках и ногах следы от гвоздей, которыми прибили Его к кресту. Этого я не рассмотрел с двадцати локтей, а стопы ног из-за кустов вообще не видел, и белая накидка была длинная, почти до травы, до земли. И руками Он в мою сторону не показывал, только лицом оборотился однажды. Лонгин почему-то огорчился именно из-за этого, что я не видел следы гвоздей, хотя в остальном, как оказалось, мое описание полностью совпадало с Тем, кого он шесть часов видел рядом на кресте, и слышал Его голос. Я обещал узнать у моих свидетелей про все, что интересовало Лонгина, но он предложил даже пойти со мной по тем адресам, которые дал мне Фома.

Отец и мать обрадовались, – они не хотели, чтобы я один влезал в эту запутанную иудейскую историю, какой бы чудесной в прямом и переносном смысле она ни была. Лонгин ещё более успокоил родителей, напомнив что Марк Пилат и его жена Клавдия сочувствовали Галилеянину, и если в последние месяцы изредка и вспоминает кто-либо в претории эту историю, то с возмущением против иудейской верхушки и фанатизма толпы. Впрочем, были и такие, кто презирал всех иудеев чохом, а общение с кем-либо из них считал позорным для римлянина.

Разговор был долгий. Мне на всю жизнь запомнился этот вечер, когда впервые в жизни я на равных говорил с отцом и с матерью, и с мужественным Лонгином. Мы вышли в наш внутренний двор, на мраморную площадку рядом с прудом, под звездное ночное небо. Отец распорядился принести кувшин своего любимого фалернского вина и фрукты. Под раскидистой маслиной, за низким широким столом продолжился этот разговор. Впервые в жизни отец налил вина и мне. Я весь вечер пил одну чашу маленькими глотками, чтобы не опьянеть быстро и запомнить этот разговор.

Я не знаю точно, в каких богов верили тогда мои родители. Они, конечно, поклонялись римским богам во главе с Юпитером в положенные веселые праздники, но верили своим галльским жрецам, из древнего рода которых происходил мой Сидоний. ещё он верил в персидскую древнюю премудрость, которую называл Авестой, и говорил, что в ней корни всех верований. Он привез некоторые свитки Авесты из своего давнего путешествия с посольской миссией Рима на восток, ещё до моего рождения, и очень дорожил этими свитками. В них были и предсказания о Спасителе всего человечества, который выведет всех на новый путь в начале новой эры, названной там эрой Рыб. Все это вспоминали и обсуждали в тот вечер.

Ночь была безлунной. Звездное небо над головой медленно вращалось, над нами плыло созвездие Скорпиона. Мы вышли на плоскую крышу восточного крыла дома. В Иерусалиме было тихо и темно. Только угадывались на фоне звездного неба купол иудейского храма, очертания Антониевой башни, Хасмонейского дворца с бойницами, да виднелись отсветы факелов в претории, все остальное тонуло во мраке и тишине. Базары, караван-сарай, нижний город с его кривыми улочками и налезавшими друг на друга лачугами, – все уже спало в темноте. На горизонте восходил красноватый Марс и яркая звезда рядом с ним. "Это Насхира, звезда подающая стремя", – сказал отец, – "она не терпит умников и приносит удачу бойцам. Хватит умничать, пора спать". Действительно, была уже глубокая ночь.

Все утро и часть дня я ждал, когда Лонгин освободится от своих доблестных каппадокийцев, от службы. Он пришёл уже далеко за полдень, уже не в своих сверкающих доспехах, а в свободном хитоне. Мы поели, выпили гранатовый сок с молоком. Через полчаса я и Лонгин были на окраине нижнего города, у Верблюжьего пруда, где стояли не самые худшие дома поселенцев-парфян, когда-то, до римлян, бывших завоевателей и благодетелей Иудеи.

Почти сразу мы нашли по описанию дом Бахрама, того самого, о котором сказал мне вчера Иоханан. Он жил один в двух небольших и очень чистых комнатах дома, дверь второй выходила в красивый внутренний двор, поросший густым разнотравьем. В пристройке к дому висели пучки этих трав, с приятным свежим запахом. Бахраму было около двадцати,

большая черная парфянская борода, аккуратно расчесанная, уже украшала его. О персах и их магах я имел тогда весьма смутное представление, и думал о них как о фокусниках, только может покруче. Лонгин, видно, больше знал о Парфии и магах, так как с порога сказал Бахраму несколько слов на незнакомом мне языке, после которых Бахрам улыбнулся приветливо, хотя и явно недоверчиво. Впрочем, потом выяснилось, что это мне показалось. Но тогда я поспешил предъявить ему записку от Фомы. Бахрам назвал его по-гречески Дидим (Близнец) и стал по-восточному гостеприимен. Но не только. Какой-то свет появился в его глазах.

Он рассказал нам, что ещё ребенком в парфянском городе Ктесифоне, что близ Тигра и Евфрата, видел молодого Иисуса! Оказывается, Галилеянин до своих тридцати лет много путешествовал, был в Индии, на Тибете, и оттуда пришёл к ним в Парфию, изучать Авесту и учиться у жрецов-магов. Отец Бахрама был одним из таких жрецов, хранителем песенных молитв-ясн Зардешта, которого еллины называли Зороастр, сын Звезды. Иисус провел в Парфии несколько лет, подолгу жил в Ктесифоне, и иногда бывал в доме Дарьяна, отца Бахрама. Вот тогда, ещё ребенком, Бахрам и увидел Его впервые.

У нас с Лонгином было много вопросов, и отвечая, Бахрам попутно объяснил нам, что магами у них называют именно жрецов, и магом может стать только родившийся в семье жреца-мага, и только после первого возрастного порога, который для жреца составляет около тридцати лет, когда цикл планеты Сатурн дает форму для внутреннего мира человека, для его мировоззрения. Поэтому сам он ещё не маг, а только мобед, средний чин парфянского жреца. Бахрам рассказал также, что издревле Сатурн считался планетой-покровителем Иудеев, и жрецы Авесты знали уже давно, что будущий Спаситель человечества, предсказанный Авестой, будет родом из Иудеи, и давно ждали рождения Спасителя, и отслеживали в небесах все конstellляции, все соединения Сатурна с другими планетами и звездами.

И вот тридцать шесть лет назад они дождались наконец заветного соединения звезды королей Юпитера и планеты иудеев Сатурна в созвездии Рыб. Они знали также, что знак Рыб связан с наступившей двести лет назад новой эрой, которая продлится ещё две тысячи лет, – и все это вместе было для жрецов Авесты знаком будущего рождения Спасителя. Все так, – продолжал Бахрам, – но соединение Юпитера с Сатурном в Рыбах только предвещало рождение Спасителя через год или два, потому что так было за год или два до рождения пророка Моисея, известного не только иудеям и египтянам, но и всему восточному миру. Поэтому маги стали ждать следующего небесного знака, который уже никто не мог высчитать ни по каким звездным и планетным таблицам, и который исходил бы прямо от Отца Небесного.

И вот через два года, тридцать четыре года назад, ранней весной на небе вспыхнула новая яркая звезда, что бывает очень редко, раз или два в тысячу лет. Положение этой Новой звезды на небе помогло магам уточнить время рождения Спасителя, – по их расчетам Он должен был родиться осенью того же года. Через семьдесят дней Новая сбросила свой яркий блеск, но маги уже не теряли ее из вида и это было для них знаком того, что пора отправляться в путь, в далекую Иудею.

Небольшой караван вышел из Ктесифона как раз в мае, примерно в эти дни, – продолжал Бахрам свой рассказ. Лонгин, сидевший рядом со мной на синем ковре в углу комнаты, впервые позволил себе прервать его вопросом, какой же год по римскому счету получается годом рождения Спасителя? Выходил 749-й год от основания Рима.

"Он мой ровесник", – сказал Лонгин явно довольный этим простым совпадением, на что Бахрам ответил, что Спаситель никому не ровесник, поскольку Он Сын Божий, а не только человеческий.

– Но ведь Он родился от мужчины и женщины, – неожиданно храбро спросил я, – и получил ответ, который потряс не только меня, у которого ещё борода не росла, но многоопытного сотника Лонгина:

– От женщины, да, от Мариам из Назарета, вы потом увидите ее. Но ее обручник Иосиф не был отцом Иисуса, и никто из живущих на земле не был Его отцом. Он родился у девственницы от Духа Святого, и это было предсказано в Авесте.

Лонгин нервно улыбнулся. – Лучше бы ты не говорил этого, Бахрам. Даже если сама Мариам утверждает так, или так написано в Авесте, все равно в это никто не поверит, так не бывает. Лучше бы вам молчать об этом. – Рем, ты видел вчера то, что назвал чудом. И после этого ты думаешь, что Галилеянин рожден от греха? Лонгин, у тебя было много женщин, очень много. Скажи, хоть раз наслаждаясь с женщиной и желая ребенка, ты не знал, что ребенок будет как все люди, и не воскреснет, и не вознесется на небо?

– Но кто же был Его Отцом? – робко спросил я.

– У всех народов есть предания о том, что отпавшие от Бога духи входили к дочерям человеческим, и некоторые племена считают себя потомками этих духов. В это, что падшие ангелы могут входить к земным женщинам, человеку верится довольно легко. К Марии в Иерусалиме сошёл не падший ангел, а Дух Святой, и в это вы не хотите поверить? В Авесте есть предсказание об этом, и в иудейской Торе тоже есть. Ты говоришь, Лонгин, что даже если это правда, то лучше бы молчать об этом? Вы ещё мало знаете об Иисусе. В Его жизни есть столько загадок, что ещё тысячи лет люди будут спорить о нём и Его Учении. Если молчать с самого начала обо всем, что не вмещается в разум, то лучше вообще ничего не говорить о нём. ещё живы будут некоторые из двенадцати Апостолов, когда начнут спорить и о них, и не будут верить свидетелям. Я уже убедился в этом недавно, в случайной встрече с Симоном из Гиттона, – даю слово, все ещё услышат о нём. И вы все это испытаете, если пойдете с Апостолами одной дорогой.

– Ладно, – сказал Лонгин, – возвращайся на ту дорогу, по которой ваши персидские маги шли в Иерусалим тридцать четыре года назад.

– По той дороге осенью, вскоре после осеннего равноденствия, они прибыли в Иерусалим. Наши маги полагали, что в Иерусалиме уже знают о рождении Спасителя, – Он должен был родиться накануне равноденствия, так показывали их расчеты, но в Иерусалиме никто ничего не знал. Более того, через день или два поисков и расспросов среди иудейских книжников и ессеев выяснилось, что книжники давно запутались в своей Торе и книгах Пророков, и даже астрологи-ессеи ожидали Мессию на сто лет раньше и теперь просто молились о Его приходе и хранили сокровенные книги, которые так и не помогли им понять, когда придёт Мессия. Хуже того, вскоре маги поняли, что были слишком открыты в городе, где ежедневно плелись дворцовые интриги и кругом сновали доносчики жестокого правителя Ирода Великого. В дом, где они остановились, с утра пришли посланцы Ирода и с подобающими церемониями, но настойчиво пригласили их во дворец. Они пошли, и рассказали Ироду то, что могли знать и его астрологи: о бывшем два года назад соединении Юпитера и Сатурна. Ирод принял их великолепно, с уважением и благодушием, но больше о Спасителе маги ему ничего не сказали, – пусть думает, что Ему теперь два года, а не две недели от роду, – так решили они. Тем же вечером, выйдя от Ирода, они нашли на небе свою путеводную звездочку. Она только что взошла над горизонтом точно на юге от Иерусалима. Они пошли за ней со своими пожитками и дарами, ругая себя за вчерашние расспросы. Надо было сразу идти за ней, доверяя в этом деле небу, а не надеясь на землю. Но ведь и маги не могли знать все о чужом далеком народе и городе... Они шли по вечерней дороге теплой осенью за звездой, и были теперь уверены, что она укажет им путь. Через два часа показался за садами небольшой городок. "Вифлеем, город Давидов", – сказал им встречный одинокий прохожий на окраине. Звезда склонялась к горизонту, уже проваливаясь за крышу какого-то сарая или овина.

– И в этом сарае были Младенец и Мария? – с восторгом спросил я.

– Да, Рем, да! Лонгин, ты ещё не веришь в Сына Божьего?

– А ты когда поверил в Него, Бахрам?

– Мне повезло больше, чем вам. Я поверил ещё ребенком в Ктесифоне. Ведь ещё и сейчас живы наши маги, те трое, которые принесли в дар Младенцу золото, ладан и смирну, талисманы защиты духа, души и тела. Мой отец не был с ними, но один из них жил и живет в Ктесифоне, хотя он уже и очень стар. Год назад, как только я стал мобедом, они направили меня сюда, в Иерусалим, чтобы быть рядом со Спасителем. Но мы опять недооценили иудейскую верхушку, силу их Синедриона и фанатичность народа. Я не успел и не смог войти даже в число семидесяти Его учеников, так бурно и грозно разворачивались здесь события. Да и вряд ли я мог что-то изменить здесь, простой мобед из Ктесифона, и не за этим меня посылали. Спасителю не нужны защитники, Ему нужны свидетели и посланники, – Апостолы, как называют их эллины. Уже после Голгофы я разыскал их и рассказал все, что мне было поручено и что я знал сам.

– Бахрам, -спросил я, – а ты будешь через неделю у Иосифа Арифамейс – кого? Иоханн, по гречески Иоанн, пригласил меня туда.

– Конечно. Приходи и ты, Лонгин. Постарайся снять римские железа со своей души, и не обижайся на меня. Ты, воин, окунулся в великие тайны жрецов всего мира, и теперь ты понял, почему не всем дано знать даже малую часть этих тайн. Представь, я рассказал бы все это, что сказал вам сегодня, иудейской толпе, или твоим доблестным каппадокийцам. Что было бы? Иудеи забили бы меня камнями, а твои благородные воины подняли бы меня на копьё, если бы придали какое-то значение моей персоне... В этом городе лучше быть разбойником, чем болтливым жрецом. И вот ещё что, Рем и Лонгин. Когда будете общаться с Апостолами, особенно с Петром, Иоанном и его братом Иаковом, больше слушайте, меньше говорите. Что надо, они вам сами в свое время скажут. Они, особенно эти трое, уже выше всех жрецов мира, поверьте мне пока на слово. Ничто Лонгин, что они простые рыбаки, вернее были ими. Три с половиной года они каждый день были со Спасителем и мы ещё увидим, какие дары Он завещал им. Не знаю каким промыслом ты, безусый Рем, попал вчера на северный холм Елеона, но поверь мне, если бы не слова Иоанна и записка Близнеца-Фомы, я бы не стал говорить с тобой об Иисусе, что бы ты не рассказывал мне про вчерашнее чудо. Они – Свидетели и Апостолы, а мы – лишь помощники им. Так?

Так. Мы вышли из дома Бахрама молча. Последние его слова не очень-то понравились мне. От них отдавало какой-то жесткой дисциплиной, чуть ли не военной, а в легионеры я идти не собирался. Другое дело Лонгин, – я искоса посмотрел на него, – ему может и по душе такая дисциплина, хотя подчиняться иудейским рыбакам, или хотя бы и великим Апостолам, как назвал их Бахрам, он все равно не будет, – подумал я тогда. Странно все таки: как только я оказывался в поле свидетелей Иешуа, я безоговорочно, с открытым ртом слушал и подчинялся. Почти также и Лонгин, который, правда, шесть часов стоял рядом с Распятным. Ладно, подумал я, разберемся. Главное, что приключений интереснее этого в жизни у меня не было, и присниться не могло. Так молча, думая каждый о своем, дошли мы с Лонгином до нашего дома, где расстались до следующей встречи.

Честно говоря, на подходе к дому мои мысли уже переменялись, и я хотел пораспрашивать Лонгина о женщинах, и попросить свести меня с какой-нибудь шлюхой помоложе, – мое мужское начало мучало меня уже не только вечером и по утрам, но и днем, забывая всякие другие мысли и заставляя мысленно раздевать и дико насиловать всех встречных женщин, от 15 до 50 лет. Поэтому, наверное, я сразу поверил Бахраму о непорочном зачатии Мариам, и поэтому же хотел попросить Лонгина свести меня с какой-нибудь девицей, женщиной, или шлюхой, – мне было все равно, лишь бы было. Но, взглянув ещё раз искоса на Лонгина, я решил отложить это дело на день-другой. Столько ждал, ещё потерплю. А может и сам застану наконец соседскую Лигию, дочь Марка Крысобоя, одну... Вот уж мало ей не покажется!

Через день мы пошли к скифу Мосоху, бывшему рабу Иосифа Арифамейского, которого этот ученый богач отпустил не так давно на вольные хлеба. Слугам Иосифа жилось хорошо и у него дома, и не каждый согласился бы уйти на волю в Иерусалиме, но скиф ушёл. Бахрам познакомился с ним ещё в доме Иосифа, и почему-то пригласил меня и Лонгина к нему домой. О скифах мы почти ничего не знали, их почти не было в Иерусалиме.

По дороге Бахрам рассказал, что когда-то, давным-давно, когда ещё и иудеев тут не было, где-то в этих землях была целая колония южных скифов. Тогда они ещё и не назывались скифами, а считали себя внуками Яфета-Ария, который был сыном Ноя и братом Сима, того самого, от которого пошли праотцы иудеев и многих других народов. От Яфета, по преданию, пошли эллины, латины, и мы, галлы, и вот, оказывается ещё и скифы. Потом, но ещё задолго до переселения сюда иудеев, южные скифы смешались здесь с местными племенами, и где и кто теперь их потомки, сказать было вряд ли возможно. Но Мосох был северным скифом, захваченным в плен в какой-то стычке с южными соседями (для нас и южные их соседи были северными) и проданный затем в рабство в Иудею. В доме Иосифа Мосох не раз видел и слышал Иисуса, и познакомился со многими Его учениками и с Бахрамом.

Мосох оказался русоволосым гигантом лет тридцати пяти, с кудрявой бородой и тонкими чертами лица, с зелеными глазами. Он плохо говорил по арамейски, но хорошо на койне. Жил он с молодой эллинской вдовицей, совсем молодой и очень веселой, под стать Мосоху. Она во время нашего разговора то и дело появлялась в комнате, и дух женской плоти и ее молодой запах каким-то диким резонансом неслышно звучал в разговоре, и раскачивал его как лодку на широкой реке. Если ей удавалось вставить слово, то казалось, что лодка перевернется.

Впрочем, это были мои личные ощущения. Гигант лишь добродушно улыбался на ее слова, Лонгин прятал усмешку в бронзовых складках своего лица, Бахрам был совершенно спокоен, а я... Я почти ничего не запомнил из этого разговора. Из-за нее. Помню, что Мосох добродушно подтвердил легенду о южных скифах, и сказал, что он ещё на родине, до пленения, слышал предание о Южной Оселе. Здесь ему удалось узнать, что скорее всего эта Южная Оселя была где-то в районе теперешней Галилеи, но не более того. Слишком давняя то была история. Но это, между прочим, отчасти объясняло, почему иудеи недолюбливают своих единокровников из Галилеи и считают их дикарями. Бахрам, похоже, придавал всему этому серьезное значение, интересовался названиями южных скифских поселений, сравнивал их с названиями галилейских городков, и потом спросил:

– А что, Мосох, может статься так, что земной корень Иисуса на севере, из той самой Южной Осели?

– Мосох добродушно улыбнулся и видно было, что этот вопрос не очень-то занимает его.

– Корень мужчины в его корне, а корень женщины в мужчине. Корень Спасителя – Корень всех корней, в Нем уже нет теперь ни мужчины, ни женщины, ни иудея, ни еллина, ни римлянина, ни руса (ещё и так он называл свое племя). Ты, Лонгин, не стремись перепрыгнуть свое римское и воинское, ты, Бахрам, жреческое, а ты, Рем, – мальчишеское и галльское. Будьте самими собою. Ты, Лонгин, устал от своей службы и от женщин, а ты, Рем, устал от того, что нет ни службы, ни женщин.

Мосох, похоже, немного устал от разговора, который я описал здесь очень кратко, и позвал свою подругу на звонком и певучем быстром языке. Она вбежала, глянув сначала на меня, потом на Лонгина, потом на Бахрама, потом села гиганту на колени и что-то зашептала ему в ухо. "Да, этому помоложе, – сказал он глядя на меня и рассмеялся. – А то никогда не женится, если начнет со старухи, – так, Елена?"

Здесь не было ни травы аруны, ни захватывающей мудрости Бахрама. Какой-то вольный дух гулял в этих простых комнатах, здесь истина была как будто нагой, без белых жре-

ческих одежд и римской бронзы и блеска. Елена быстро накрыла стол, принесла простую еду, фрукты, вино, много вина. Потом ушла на полчаса, пока мы подкреплялись, и появилась с подругами, одна лучше другой, – это подтвердил потом и Лонгин, поскольку я к тому времени уже захмелел от первой чаши вина и мне всякая молодая женщина показалась бы желанной.

Бахрам и Лонгин недолго ещё сидели с нами. Выпив ещё и попрощавшись с хозяевами и со мной, поскольку Мосох и Елена категорически отказались меня отпустить, да я и сам вовсе не спешил никуда, они ушли, и я даже не помню, увели ли они с собой хорошеньких подруг Елены. За столом рядом со мной, с обеих сторон, сидели ещё две ее подруги, а Мосох с Еленой сидели напротив и время от времени понемногу подливали всем терпкое и крепкое вино...

В ту ночь в одной из комнат дома Мосоха сбылись все мои желания. Домой я пришёл только на следующий день, к обеду. Мать сказала, что стоило мне пойти к дикарю, как я и вести себя стал по дикарски. Оказывается Лонгин вчера по дороге в преторию зашёл к моим родителям и предупредил, что я приду от Мосоха не раньше утра, но я пришёл все же только к обеду. Я подумал, что сказал бы на это Мосох, и решил, что он бы только улыбнулся.

Глава 2. Избрание

Приближался иудейский праздник, второй великий после пасхи, на пятидесятый день от нее. Дней за пять до него утром я встретился ещё раз с Бахрамом, Мосохом и Николаем Антиохийцем, о котором говорили мне Пётр и Иоанн. Николай передал нам приглашение Петра на собрание всех учеников Иисуса. Вот это да! Я уже считался учеником Иисуса! Я спросил, не ошибся ли он насчет меня, ведь я всего лишь пять дней как знаком с ними, и сам ещё вовсе не уверен, что понимаю даже начала Его Учения? "Все так, – отвечал Николай, – но на тебя указал Сам Христос, и ты был последним, на кого Он указал. Так считают Апостолы. Твое дело, принимать ли приглашение, но они считали себя обязанными передать его".

Задумчивый шёл я домой. Конечно, ничто не обязывало меня идти на их собрание. Я видел чудо, только этого я и хотел сначала. А сегодня вечером я собирался идти к своей рыжей Летиции, подружке Елены. Но я чувствовал также, что в моей жизни произошёл какой-то перелом. Наверное, отец с его рассказами о древних жреческих книгах, и мать с ее верой в чудеса подготовили меня к этой встрече. За обедом я все рассказал им. Мать выжидательно посмотрела на отца. Он молчал. В это время раздался стук в дверь, – пришёл Лонгин.

– Вот что, Лонгин, брось-ка монету, какая у тебя? – спросил отец.

У него оказался золотой динарий с императором Тиберием и с десятком простых драхм.

– Бросай золотой, Лонгин. Если упадет Тиберием вверх, не советую тебе, Рем, связываться в эту историю. Если же мы не увидим лик нашего Тиберия, иди.

Лонгин, ещё не поняв в чем дело, высоко подбросил монету. Звонко шлепнув по столу, она покрутилась и осталась стоять на ребре! Значит, выбор оставался за мной, и отец тут же подтвердил это, и Лонгин сказал, что это должно быть так, и спросил, о чем бросали жребий. Я рассказал ему, и добавил, что Тиберий, надо думать, и не слышал ничего о каком то распятом Иешуа из Назарета, а если и услышит, то наплевать ему на эти иудейские примочки и прибабахи. Не так ли давно и мы все так думали про всю эту историю с Галилеянином? Я склонялся к тому, чтобы принять приглашение Петра. Я видел чудо и, может быть, увижу ещё, – для меня самого это был наверное главный аргумент.

– Не запутаешься ли ты в иудейских премудростях? – спросила мать.

– Вы ведь знаете, что с этой зимы среди учеников Иисуса есть и сирийцы, и критяне, и римляне, и много эллинов, и перс, и даже скиф-рус.

– Да уж, скифом ты нас прямо убедил, – рассмеялся Лонгин. – Но если серьезно, Сидоний, я с той страшной пасхи верю им, ученикам Распятого. Я не знаю, Божий ли Сын был Галилеянин, но таких людей я не встречал ни в каких племенах, и не слышал о таких. Это был Человек. А Рем, раз решил, пусть идет. И передай Симону-Петру, что сотник Лонгин сочувствует им.

– А откуда ты знаешь, что Пётр там главный? – спросил я.

– Афраний, помощник прокуратора, к которому тянутся нити всех секретов Иерусалима, ежедневно докладывает ему о всех собраниях в городе, – где соберутся больше тридцати, там уже есть доносчик Афрания, или он где-то рядом. Кое-что знают легаты, и мы, сотники. Везде в Иерусалиме есть глаза и уши Кесаря, – запомни это, Рем, и будь осторожен. Прокуратор посочувствовал тогда Галилеянину потому, что Его ненавидели саддукеи и разогретые ими иудейские толпы. А если завтра иудеи возлюбят память о Распятом, то как знать, как знать...

... В самой большой, просторной зале дома, названного мне Николаем, собралось больше ста человек, может быть сто двадцать. Там были все одиннадцать Апостолов; все семьдесят учеников, избранных Иисусом прошедшей зимой; около тридцати следовавших за Ним с самого начала, но не избранных ранее, и ещё родственники, и примерно десять женщин. Я, Бахрам и Мосох сели в одном из углов. Шепотом Бахрам сказал мне, что среди женщин и мать Иисуса, и показал глазами на маленькую женщину лет сорока на вид (а было ей тогда почти пятьдесят), скромную и милостивую, в темной синей накидке, с тонкими, как у Сына, чертами лица, а нижняя часть лица, как мне показалось, была точно Его. Вокруг Марии было ещё несколько молодых женщин, одна из них очень, очень красивая.

– А кто был женой Иисуса, – шепотом спросил я Бахрама, – не эта ли, в желтой накидке?

Бахрам также шепотом ответил мне, что среди Апостолов не принято говорить об этом, а женами-сестрами среди них называют всех женщин, принявших учение и сопровождающих их. Мы шептались, пока большинство присутствовавших, иудеи, негромко и певуче поизносили свои молитвы на арамейском. Но вот молитвы прекратились, настала тишина, и Пётр встал из-за центрального стола, вокруг которого сидели одиннадцать Апостолов, Мария, безумно красивая женщина в желтой накидке и ещё четверо неизвестных мне иудеев, не старых, но старше большинства людей в этом зале. Потом я узнал, что это были сводные братья Иисуса, сыновья обручника Иосифа от первого брака, ещё до того, как Мария была обручена ему Храмом. Сам Иосиф умер уже давно, четырнадцать лет назад, и я не успел больше распросить нём моих соседей, настала полная тишина. Пётр начал говорить.

– Мужья-братия! Надлежит теперь исполниться тому, что в Писании предрек Дух Святой устами царя Давида об Иуде, бывшем вожде тех, которые взяли от нас Иисуса. Иуда был сопричислен к нам и получил вместе с нами жребий сего небесного служения. Но он был от земли нечистой, и приобрел землю неправедною мздою. Когда же низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его. И это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та на отечественном наречии названа Акелдама, то есть "земля крови". В книге же Псалмов Давида написано о поношающем, давшем желчь и уксус: "Жилище его да будет пусто, и да не будет живущего в нем", и о том, чья молитва в грехе творится: "Да будут дни его кратки, и достоинство его да возьмет другой". После его предательства дали Господу нашему на кресте желчь и уксус, и молитвы Иуды творились в грехе. Итак надобно, чтобы один из тех, которые находились с нами во все время, когда пребывал и общался с нами Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его. – Так сказал Петр.

Я понял не все, так как только один раз слышал о каком-то Иуде, который за два дня до пасхи ушёл от учеников Иисуса, и привел затем храмовую стражу в сад, где они отдыхали ночью, которая и отвела Иисуса ранним утром в пятницу на суд Синедриона. Я знал также, что этот Иуда исчез после этого, а через два дня его нашли не то повесившимся, не то с распоротым животом, – одни говорили так, другие этак. Но остальным собравшимся, кажется, все было ясно. Началось обсуждение.

Сначала говорили только Апостолы. Скоро они решили, что достоинство должен принять один из семидесяти, избранных ещё самим Иисусом в январе этого года, и бывший также с ними от начала Его служения, от крещёния на Иордане. Таких среди них нашлось около сорока. Десятерых они отвели, припомнив им те или иные проступки, по моему очень незначительные. Осталось тридцать. Потом встал апостол Иоанн, самый молодой среди них, однако бывший ещё и учеником Иоанна Крестителя до начала Иисусова служения. Он напомнил всем, что двенадцать были избраны Иисусом ещё и так, что каждый из них стал частью небесного Свидетельства, небесных знаков или созвездий.

Он напомнил всем, что Креститель вышел из ессеев, и что большинство близких Иисусу и учеников Его были ессеями или близкими им ("так, так" -подвердили в зале), а ессеи всегда сверяли и сверяют свои дела с небесными свидетельствами и знамениями. "Двенадцать небесных Свиделей восходят на востоке каждый день, – сказал он, – и каждый из нас двенадцати был связан с одним из них солнцем рождения, и так выбрал нас Иисус, и так должно быть. Дух Святой во всей Своей полноте может объять всех нас только если мы останемся под Его небесным законом и не нарушим Его. Иуда Искарот был от знака земли, от Тельца египетского. Теперь мы должны знать, есть ли среди приуготовленных к выбору рожденные под Тельцом?" – Так сказал Иоанн.

Бахрам и я слушали все это с чрезвычайным вниманием. Это все очень интересовало и меня, и его, да и все в зале слушали Иоанна внимательно, были согласны с ним. Я много слышал о знаках Зодиака от отца, и он даже научил меня составлять гороскопы рождения. От ессея Садока я также много узнал об этой древней науке, которую эллины называли астрологией. Ессеи славились в Иудее как знатоки астрологии и, по рассказу Садока, со времен Ирода Великого власти не преследовали их общину во многом потому, что именно ессеи предсказали когда-то молодому безвестному Ироду его будущее правление Иудеей. Не знаю, много ли было в этом собрании вышедших от ессеев, но речь Иоанна никого не удивила, все отнеслись к его предложению с полным одобрением. Среди тридцати приуготовленных к выбору оказалось три "Тельца", – оказывается хотя бы месяц своего рождения многие иудеи если и не отмечали никогда, то все же помнили. Вообще среди этого крепкошего народа "Тельцы" встречались пожалуй чаще, чем рожденные под другими знаками, но среди учеников Иисуса, как мы с Бахрамом в дальнейшем выяснили, их было меньше. Было, значит, три "Тельца".

Один из трех сказал, что не уверен в своем небесном знаке, так как родился за три дня до Пятидесятницы в год второй переписи Квирина, и не знает, было ли Солнце его рождения в Тельце, или уже в следующем знаке. Они не стали уточнять это, – хотя, как шепнул мне Бахрам, он мог бы это быстро сделать, да и Иоанн тоже. Они просто оставили двоих, у которых Солнце при рождении было точно в Тельце, да и по их крепким шеям и плотной стати это было видно. Одного из них звали Иосифом Варсавою, а другого называли просто Матфий. Если бы они начали обсуждать сейчас, кто из них более достоин, думаю, что скоро они бы не договорились. Но Пётр предложил не обсуждать их достоинства, а положиться на волю Божию, и бросить жребий.

Второй раз в этот день жребий решал судьбу на моих глазах: первый раз это касалось меня самого, а теперь – этих двоих! Но здесь не бросали монету с изображением Тиберия, иудеи ненавидели его, а в этом зале – и его монеты. У иудеев был древний обычай жере-

бьевки: в полу одежды или в непрозрачный сосуд бросали игральную кость, и загадывали, что выпадет. Так поступили и теперь, видно, игральная кость была припасена Петром заранее. Иосиф загадал шестерку, Матфий – двойку. Было объявлено, что бросать будут до тех пор, пока не выпадет шестерка или двойка. Пётр бросил игральный кубик в сосуд, потряс его и опрокинул на стол. Вскрик радости раздался среди тех, кто сидел за ним: сразу выпала двойка, а это поняли как знак, что двоих приуготовили правильно. Если бы сразу выпала шестерка Иосифа, они радовались бы также. Значит, они все делали правильно, и Господь одобрил это. Матфий по жребию был причислен теперь к одиннадцати.

После этого состоялась трапеза с преломлением хлебов и вином. Я много расспрашивал Николая об Иуде Искарите, его загадка взволновала меня. Как мог всезнающий Иисус выбрать такого ученика, и как мог Иуда предать такого Учителя?! Этого я не понимал, здесь была какая-то загадка. Загадка была и в смерти Иуды: почему одни говорили, что он повесился, а другие, что он упал на дороге и распорол живот? По дороге домой я ещё спрашивал об этом Бахрама, но про Иуду он знал ещё меньше, чем Антиохиец. Он только рассказал мне несколько притч Иисуса, которые Он рассказывал в Иерусалиме в последние дни, но эти притчи вроде бы ничего не объясняли.

Домой я пришёл поздно, и сразу лег спать. Приснился мне, конечно, Иуда...

Глава 3. Иуда Искарит

Кипящий от страха неизвестности Иуда идет к первосвященникам. "Лучше ужасный конец, чем ужас без конца", – наверное и такая мысль время от времени мелькает в его голове. Но вообще-то он, единственный апостол из Иудеи, в крови которого необоримо предубеждение к галилеянам, этим полуязычникам и гордецам, надеется на мудрость первосвященников, которые обещали ему честно разобраться с этим Назарянином, и, если Он убедит их, стать Его приверженцами и защищать Его. Все эти галилеяне, и Иисус, слишком горды и непрактичны. Сколько было возможностей договориться с фарисеями, со старейшинами, и многие уже давно были на Его стороне. Но каждый раз в решающий момент словно бес вмешивался. Учитель требовал от них сразу полной веры, – к какой даже они, апостолы, шли долго и трудно. И фарисеям тоже, надо признаться, словно бес мешал относиться к Учителю более уважительно. Не дразнить Его своими придирками и ученостью. И чем дальше и убедительнее Учитель словом и чудом показывал свою Истину, тем глубже проходил раскол, – и ни один из апостолов пальцем не пошевелил, рта на раскрыл с фарисеями, чтобы примириться. Все они, галилеяне, смотрят в рот Учителю. А ему, Иуде, уже давно надо было понять это и договориться сначала со старейшинами, а потом и с первосвященниками. Но он все ждал, что Учитель Сам скажет ему, или намекнет в одной из Своих притч.

И вот вчера, в среду, Он рассказал притчу о трех рабах, которым Господин дал серебро в оборот. Один из рабов ничего не делал, закопал и хранил серебро; другой сумел обернуть серебро в два раза, а третий – в пять раз. И первого раба Господин осудил, и назвал лукавым, а тех, которые сами решились действовать, возвеличил, каждого в меру успеха. Иуда сразу понял, – ведь серебро было у него, в казначейской коробке. Учитель вчера сказал ему этой притчей – действуй, пришёл твой час. Он тоже видел, как и Иуда, как все уже видели, что дальше будет взрыв, хаос. Все видели, что людьми в Иерусалиме словно бес овладел в надежде на чудо, на разрешение сразу всего. Разве этого хотели они и Учитель? Нужны годы и годы, чтобы люди изменились изнутри, чтобы сердцем приняли Царство Небесное. Даже им, ученикам, понадобились годы быть рядом с Ним, чтобы понять это. Наконец-то Учитель сказал ему, Иуде – действуй. И даже когда он уже собрался идти, подозвал всех учеников и указал им на бедную вдову, которая положила в сокровищницу Храма все, что у нее было – две лепты. И это понял Иуда. Конечно, если надо будет, он отдаст первосвященникам все, всю

их казну. Согласие с Храмом стоит в сто, в тысячи раз дороже. Если первосвященники скажут: ты пришёл к нам, а вчера были у Храма и только смотрели вы все, как другие жертвуют, а теперь просишь нас, – он отдаст им все деньги. Вот, сказал бы он, Учитель сказал отдать вам все. Хотя нет, нельзя говорить от Учителя, Он же не сказал ему прямо, только притчей...

Но вчера у Кайафы все решилось просто и быстро. Они готовы встретиться с Учителем (они называли Его Учителем, а не Назарянином!) ночью, в саду где Он бывает с учениками. Да, ждать больше нельзя, и днем бес владеет городом и людьми. Хоть предстоящей ночью, хоть на Пасху, – чем раньше, тем лучше. Они будут ждать Иуду теперь в любое время, слово за Учителем. Это было вчера вечером. А сегодня Иуда не отходил от Учителя ни на шаг, ждал слова. Теперь-то Он должен сказать прямо, не притчей – иди! Поэтому он и сел за столом этой тайной вечери в этом странном доме рядом с Учителем, – пусть остальные возмущались, не мог же он сейчас все объяснить им. И Учитель его не прогнал, и успокоил всех. Вымыл всем ноги, – и ему, Иуде. Вымыл всем ноги, – это тоже был знак: любой мог идти. Он всем вымыл ноги, но никто не понял...

Любите друг друга... Иуда любил их всех, иначе зачем бы он шёл сейчас к Кайафе? А потом Учитель сказал, что кто-то предаст Его. И все стали спрашивать, кто? Один он, Иуда, спросил "не я ли?" Ему-то нужно было знать точно... "Один из двенадцати, обмакивающих со Мною в блюдо", – сказал. Но все обмакивали, а в тот момент он и Иоанн. И сразу ему, Иуде, сказал: "ЧТО ДЕЛАЕШЬ, ДЕЛАЙ СКОРЕЕ". Вот и все. После этого надо было идти, и он пошёл. Иоанн – Его любимый, конечно не про него Он сказал. Но и не он, Иуда, – ведь сразу Учитель сказал, – иди! А если даже он, и он не понял притчу о серебре, ни притчу о вдове, то все равно ничего не изменить. Времени больше нет, все равно завтра все решится, и куда ему идти, если "что делаешь, делай скорее". Лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

При нем тридцать серебрянников, которые вчера ему дали в доме Каиафы напоследок – странная сумма. Они сказали, что так положено, таков храмовый порядок: любое сотрудничество с чужим, не храмовым служащим, должно оплачиваться. И все же он не решился положить эти деньги в казну, и черт с ними. Уже сегодня все решится, через несколько часов.

Полная Луна светила в бездне, прямо над домом Каиафы и Анны, за Храмом. "Азохэн вэй, Иуда", – в подворотне дома Каиафы сверкнули белки глаз и ему оскалился приветливой улыбкой вампира храмовый подметальщик, маленький смуглый чернородый человек, Саул Клеопа, – храмовый подметальщик и любитель астрологии, подозреваемый Каиафой в педерастии. Иуда молча шагнул в ворота. "Господи! Когда же Каиафа вышвырнет этого педика?" – тоскливо подумал он. И молча вошёл во двор дома. До него как-то сразу дошло, что он как муха попал в какую-то огромную паучью сеть. Каиафа и Анна, держащие в служках храма этого чернородого педика!.. Куда он пришёл? На минуту все смешалось в его голове. Может это астролог Савл все подстроил? Зачем он встретил его? "Сейчас спрошу у Каиафы... Пусть сначала скажет, зачем держит у себя педика?" Потом он вспомнил твердый, уверенный взгляд Иисуса, потом Его слова "...делай скорее", – он так долго ждал этих слов!..

Двери дома во дворе открывались, спокойный голос позвал его войти. Иуда тоскливо посмотрел на огромную Луну прямо на кромке крыши. Она как будто катилась по ней... Или крыша поехала влево? Хоть бы рухнула! Нет, ещё раз спокойный голос позвал его войти. Он узнал голос Малха, странного хозяина той горницы, где остались Иисус и одиннадцать, и, уже не думая ни о чем, вошёл...

Наверное, я громко застонал во сне, потому что мать в тот момент разбудила меня и с тревогой спросила, что со мной? Я не помню, что я ей сказал, но видимо успокоил ее. Она ушла, а я снова провалился в ту страшную ночь. Вернее был уже день, пятница 14-го Нисана, и всем в Иерусалиме было уже известно о решении Синедриона и Понтия Пилата о смертном приговоре для Назарянина. Всем было известно, а я как будто был какой-то тенью

рядом с Иудой, и следовал за ним. Состояние его было близко к помешательству, он даже забыл забрать из дома Каиафы свой денежный ящик, в котором были деньги общины. На эти деньги старейшины и купили затем "землю для погребения странников", в том числе и самоубийц, о которой говорил Петр.

И дух, и душа Иуды были черны от горя и ненависти ко всему миру. В горле было сухо и жгло кишки в животе, – вернулась застарелая болезнь, о которой он полностью забыл за последние три года. Он спрятался от мира в тот пасхальный вечер в лачуге нищего глухонемого по имени Авва, которого вылечил сам прошлой весной от сильных болей в голове, и у которого с тех пор иногда бывал. Авва обрадовался, заулыбался беззубым ртом, пошёл ещё за вином. Иуда почти не пил все эти три года, не больше чем Сам Иисус, – как и все другие апостолы. Но выпить он мог много. Он пил весь вечер пятницы и всю ночь, утром чуть-чуть поспал, потом опять пил. Авва ходил за вином несколько раз. Старался по губам понять, что говорит Иуда. Но он прикрывал губы рукой, когда говорил, или отворачивался, или выл в угол лачуги. И только вечером в субботу, от других нищих и немых в Иерусалиме Авва узнал, что случилось. Он пришёл без вина, что-то сунул в карман накидки Иуды, лег на лежанку у стены и отвернулся, даже не взглянув на него.

За полночь с субботы на воскресенье в тяжелом безысходном похмелье, с большой головой, ни о чем не думая и ничего не соображая, Иуда вышел на окраину Иерусалима, на дорогу в Виффагию. Вообще-то он хотел пойти в Вифанию, в дом воскрешенного Иисусом Лазаря, – хотел спросить у него, что такое смерть, – но мысли путались и он не был уверен, что идет правильно, и иногда забывал, зачем и куда идет. Стояла глубокая ночь и было тихо кругом и в отдалении. В горле снова было сухо, кишки снова болели. Иуда сунул руку в карман своей симлы-накидки, вытащил то, что положил Авва, – это была веревка.

От неожиданности он громко икнул, и тут же с соседнего дерева, шумливо хлопая крыльями, сорвалась какая-то птица и ему на лоб упал и потек ее жидкий испуг. Иуда, оттерев лоб, сел на обочину, посмотрел на дерево, и сразу узнал место и дерево. Это была засохшая пять дней назад большая, необычно высокая смоковница близ Виффагии, – та самая смоковница, которую иисус проклял за бесплодие. Иуда сухо засмеялся и погрозил ей пальцем. Несколько сухих ветвей нависали прямо над дорогой. Иуда с трудом встал, его пошатывало. Медленно обошёл сухое дерево, криво улыбнулся, найдя удобные ветви внизу, и полез на него.

Близился рассвет и небо начинало светлеть на горизонте против Иерусалима. Стоя на одной из ветвей, Иуда обоими руками прилаживал к верхней ветви веревку. Кругом по-прежнему стояла полная, как для глухого, тишина. Уже накидывая петлю на горло, он услышал вдруг в стороне Иерусалима резкий звук, как хлопок бича, и краем глаза увидел мгновением раньше в стороне Гефсиманского сада тонкую, зигзагом вспыхнувшую молнию. Он повернулся всем телом, неудачно переступил ногами и рухнул вниз, – петля была плохо завязана. ещё до падения на дорогу живот пронзила острая боль, – падая, он напоролся на сухой острый сук. Кишки выпали наружу, сразу безумно захотелось пить, но последнее ощущение было: наконец-то освободился, от скверны всей освободился!

Похоже, последние минуты жизни он пытался ползти в сторону Иерусалима, но его хватило только на два-три локтя. Огромная лужа крови быстро засыхала и чернела на дороге странной формой широкого серпа. Он вдруг увидел себя как будто сверху: и лежащую ничком фигуру, и вывалившиеся внутренности, и этот черный серп своей крови. Так его и нашли утром на дороге: ничком, головой в сторону Иерусалима, с вывалившимися внутренностями, в большом черном серпе засохшей крови. На невысоком суку кто-то увидел веревку, а кто-то не заметил. Живот был как будто распорот ножом, но в жреческом поселке убийств никогда не бывало, никогда.

Я проснулся от боли в животе и на полу. Во сне я упал с кровати. Живот у меня редко болел, я уж и забыл, когда это последний раз было. Вид наверное был ещё тот, потому что когда я вышел на кухню, мать удивленно посмотрела на меня: "Что с тобой, Реми? Ночью стонал, под утро тоже, а вид – как будто не спал всю ночь!" Я сказал, что видел дурной сон про Иуду Искариота, и что болит живот. Пришлось мне оставшиеся до пятидесятницы дни пить уголек с молоком и глотать настойки, и не есть мяса, и не ходить к Летиции, – потому что с больным животом с ней не порадуешься, а иудейские древности и новости ее мало интересовали.

Накануне Пятидесятницы утром зашёл к нам Бахрам, и я рассказал ему про сон. Вечером он зашёл ещё раз, сказал что виделся с Андреем, одним из Апостолов, и что мой сон очень заинтересовал его. Он просил, если я смогу, завтра с утра придти в тот же дом за мраморной стеной.

Глава 4. Пятидесятница

Чуть свет я вышел на улицу. Везде уже были толпы людей, на Пятидесятницу съезжались со всей Иудеи, и обращенные в иудейство (прозелиты) даже из дальних краев, много было и таких. Настроение на улицах было радостное. Праздник считался днем урожая и сбора плодов, и днем вручения Моисею на горе синайской скрижалей Закона, Завета Бога с иудеями. Теперь апостолы и ученики Иисуса говорили, что это был Старый Завет, а они несут людям, уже и не только иудеям, Новый Завет, данный Богом через Иисуса Христа. Правда, ессеи так считали только те, которые входили в общину назореев, а другие не считали Иисуса Мессией. Но всего этого не знали толпы на утренних улицах. Учеников Иисуса была малая горстка в этом море людей, и вряд ли хотя бы каждый десятый что-нибудь слышал о Новом Завете, хотя об Иисусе знали многие, не только в Иерусалиме, но и по всей Иудее, Самарии и Галилее. Знали и забыли – за семь недель. По дороге я посчитал, что ровно семь недель прошло от Его воскресения из мертвых. Семью-семь, сорок девять дней. И сегодня был ещё седьмой лунный и седьмой солнечный дни по календарю отца и Бахрама, по календарю Авесты. Где три семерки, там жди чудес, – эту поговорку я запомнил ещё в Галлии. Сегодня сходились девять семерок!

День начинался ясный, на небе ни облачка, и высоко над домами кружил сокол, священный тотэм седьмого дня. Сердце забило и, как десять дней назад, предчувствие чуда охватило меня. Был первый час после восхода, когда по дороге, называемой Овечьей тропой я вышел к мраморной стене знакомого дома. Здесь, на площади среди домов зажиточных иудеев также было довольно много людей. По утренней прохладе кто-то шёл на базары, закупать праздничные угощения и вино, кто-то шёл к Храму, чтобы заранее занять места в его языческом и женском дворах на утренней молитве, кто-то просто ходил по городу, подерживая и впитывая сегодняшнее радостное возбуждение утреннего Иерусалима. Николай Антиохиец и Бахрам встретили меня у ворот и мы быстро прошли в тот же большой зал, где два дня назад было собрание, – и теперь оно уже начиналось.

Все были в сборе, и последними из внутреннего двора вошли Иоанн с матерью Иисуса и женщинами. Но теперь за центральным столом сидели только двенадцать Апостолов, причем Иоанн, что-то сказав Петру, рассадил их так, что слева от него сел недавно избранный Матфий, дальше Фома-Близнец, потом Андрей, за ним по кругу незнакомый мне Апостол, которого называли Фаддеем Алфеевым, потом Филипп, которого я тоже почти не знал. Напротив Петра Иоанн посадил другого Алфеева, по имени Иаков. Рядом с ним сел сам Иоанн и рядом с ним слева его брат Иаков, потом Симон Зилот, потом Левий Матфей, а по правую руку от Петра посажен был Нафанаил, сын Толмая, которого немного знал мой отец и называл Птолеем. Бахрам и я сидели в том же углу зала, что и прошлый раз.

Тут началась совместная молитва, в которой на этот раз тихонько, иногда ошибаясь в словах, но приняли участие и Бахрам, и я, и Мосох, который также сидел с нами. Была середина второго часа утра и молитва ещё продолжалась, когда сверху раздался какой-то гул, как от сильного ветра, – но за окнами было безветрие, и видны были деревья во внутреннем дворе, и листва их едва шевелилась. Но из этих окон и из дверей, и с потолка, отовсюду шёл гул, который все усиливался и нарастал, а воздух в зале сначала стал удивительно свеж, как перед грозой, а затем начал светиться неярким серебристым светом. Мы сидели рядом с окном во внутренний двор, и видели между тем по-прежнему ясное и безоблачное небо! С площади перед домом начал доноситься шум толпы, – они, видимо, тоже слышали гул и видели свечение воздуха над крышей дома или в окна. В зале все замолчали, и только Пётр чуть слышно шептал что-то, невозможно было разобрать слова.

В голове было необыкновенно ясно. Казалось, я мог ответить сейчас на любой вопрос, задай мне его хоть сам Петр, или Иоанн, или книжник Аарон, или ессей Садок, или кто угодно. Больше того, вскоре мне показалось, что я начинаю понимать мысли других, всех в этом зале, – начинаю читать их мысли и говорить с ними без слов! Я оглядел зал, и по широко открытым глазам людей, и ещё неизвестно почему понял, что все они испытывают нечто подобное. Вдруг в центре зала над столом Апостолов сияние усилилось, и голову каждого из них окутали светящиеся шары. Они переливались неяркими цветами, тихо пульсировали, а гул стоял уже везде и исходил, казалось, отовсюду. Над некоторыми из людей, сидевших ближе к Апостолам, тоже виднелось сияние, хотя и не шары. Я не рассмотрел тогда все и всех, но потом рассказывали, что Мария, мать Иисуса светилась серебристым сиянием вся, с головы до пят. Но все видели, как над головами Апостолов, прямо в огненных шарах стали проступать, переливаясь всеми цветами радуги, какие-то знаки. ...

Тут все услышали громкий шепот Петра: "Дух Святой излился на нас! Утешитель обещанный Тобой, Господи Иисусе! Слава Тебе, и Отцу Небесному, и Духу Святому!" шёл третий час от восхода солнца. Меж тем разноголосые крики и шум снаружи дома уже пересиливали гул в зале и громкий шепот Петра. Кричали и на незнакомых мне языках, – на улицах было много паломников еламитов, и парфян, и понтийцев, и мидян, и критян, и аравитян, и египтян, и других прозелитов, пришедших на праздник Пятидесятницы. Вокруг дома на площади и прилегающих улицах собралась плотная толпа, и в окна это было видно. Гул и свечение были по-прежнему, но огненные знаки исчезли, и светящиеся огни были уже не такими яркими, только дугами сияя над головами Апостолов. По знаку Петра они встали из-за стола и пошли через внутренний двор к воротам, и открыли их навстречу толпе, и встали в них.

Мы, остальные, вышли за ними и стояли чуть выше их во внутреннем дворе. Видно и слышно было всем. И тут произошло следующее чудо. Эти простые люди, бывшие галилейские рыбаки, знавшие лишь язык сво их отцов да простой койне, вдруг заговорили с толпой на разных языках! И мы, стоявшие позади них, тоже понимали, о чем вдруг заговорил Пётр на языке еламитов, потом на мидянском наречии, потом на других языках, – и если слышали Апостолы в толпе выкрики на любом языке, тут же и отвечали на родном наречии вопрошавшего! По очереди Пётр и Иоанн, Фома и Иаков, все Апостолы один за другим говорили на незнакомых им до сего дня языках, и Пётр время от времени повторял для иудеев все, что было сказано другими, на иудейском наречии. Вопросы были самые разные, сначала более всего спрашивали "кто вы и что тут происходит?" И Апостолы отвечали, что они ученики Иисуса Назорея, и рассказывали о нём. Они говорили всем, что сегодня исполняется обетование Нового Завета, – что как Моисею в громах и молниях даны были на горе Синайской скрижали прежнего Завета, так сегодня в огненном Духе Святом получают народы Новый Завет!

Так продолжалось с полчаса или немного более. Люди шли к Храму, а стали скапливаться здесь, на Овечьей площади, много не доходя до Храма. Скоро мы заметили с краю толпы храмовых служек, а затем и нескольких священников. Оттуда раздались сильные, хорошо поставленные голоса:

"Иудеи! Сыны Авраама, Исаака и Иакова! Опомнитесь, не видите разве, они напились сладкого вина и говорят невесть что!"

Несколько священников пробивались через толпу ближе к нашим воротам, и храмовые служки оттесняли людей перед ними. Из толпы также начали раздаваться крики саддукеев:

"Не слушайте их, это пьяные галилеяне, шуты Иешуа распятого, пьют с тех самых пор и дошли уже! Несут невесть что!"

Произошло смятение, и только легкое свечение над домом и едва слышный теперь необычный гул говорили о чем-то необычном, не об обычной склоке и галдеже в иудейской толпе. Пётр сделал несколько шагов вперёд, навстречу толпе, и заговорил громко и властно:

– Мужи Иудейские, и все живущие в Иерусалиме! Я все объясню вам, и внимайте словам моим! – толпа затихла, ибо голос Петра гремел над площадью, перекрывая все выкрики.

– Ни я, ни позади меня никто не пьян, ибо теперь только третий час дня! – в толпе раздались легкие смешки, поскольку довод этот был более чем достаточен: ни один иудей представить себе не мог, что можно пить вино до обеда, или до дневной храмовой службы, а ещё и утренней не было! И Пётр продолжал:

– А что вы видели и слышали здесь, и сейчас видите (воздух над домом ещё светился), – это есть предреченное пророком Иоилем, когда он свидетельствовал о последних временах Завета Моисеева: "И будет в последние дни, говорит Бог, излию от духа моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут; и на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать; и покажу чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу, кровь и огонь и курение дыма; солнце превратится во тьму, и луна в кровь, прежде нежели наступит день Господень великий и славный; и будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется". Мужи Израильские! Выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете, Сего, по определенному совету предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздивши руками беззаконных, убили... Но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его. Ибо Давид говорило нём: "Видал я пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, дабы я не поколебался. От того возрадовалось сердце мое, и возвеселился язык мой; даже и плоть моя успокоится в уповании, ибо Ты не оставишь души моей в аду и не дашь святому Твоему увидеть тления. Ты дал мне познать путь жизни, Ты исполнишь меня радостью пред лицом Твоим".

Мужи-братия! Да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он умер и погребен, и гроб его у нас до сего дня. Будучи же пророком и зная, что Бог с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его, он прежде сказал о воскресении Христа, что не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видала тления. Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели. Итак Он, быв вознесен десницею Божиею и приняв от Отца обетование Святого Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите. Ибо Давид не восшёл на небеса, но сам говорит: "Сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих". Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом-Спасителем Сего Иисуса, Которого вы распяли."

Все это время толпа в четыре или пять тысяч человек слушала молча, и только легкий гул и свечение в воздухе сопровождали речь Петра. Священники храма затерялись в толпе и не смели поднять голос. Иудеи все вообще люди очень набожные, и одновременно склонные к мистике и вере в чудеса, а прозелиты, прибывшие во множестве из других, порой дальних краев, ещё более иудеев таковы; и много сил им стоило добраться паломниками до Иерусалима, подчас терпя лишения и неудобства. И вот, на их глазах происходило чудо, и они принимали участие в нем, и не просто чудо, а по обетованию пророческих книг, – и они были этому свидетели и принимали во всем этом участие! И теперь от всех их требовали ответа, верят ли они теперь в Иисуса Христа, от семени Давидова, распятого по их наущению и воскресшего, и дающего им всем сейчас свидетельство Святого Духа! У многих из них ещё были в памяти слова Иоанна Крестителя, который указал три с половиной года назад на Иисуса Назорея, крестил Его в воде, и говорил всем, что через этого Иисуса все примут затем крещение через Духа Святого в огне. И многое ещё вспоминалось всем сейчас, о чем говорил Петр: ведь было затмение Солнца в день казни Иисуса, было "солнце во тьму и луна в кровь", и завеса в Храме разодралась надвое, и никто не мог объяснить это, ибо затмения не должно было быть тогда...

И все, что сказал Петр, было неоспоримо, и что было теперь делать?

– Но что нам делать? – робко спросил кто-то из толпы, и многие стали вопрошать то же. Пётр вновь поднял руку, призывая к тишине.

– Что говорил Иоанн перед крещением водою в Иордане? Сначала покайтесь, а затем да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, и получите дар Святого Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш. ...

До самого вечера не убывала толпа у мраморной стены на Овечьей площади, и крестившихся в тот день было более трех тысяч душ! Апостолы крестили их, и преломляли хлеб и молились с ними, и учили новым молитвам, во имя Иисуса Христа. В тот день и я был крещён, и преломил хлеб с апостолом Андреем, которого звали ещё Первозванным, потому что его первого позвал за Собой три с половиной года назад Галилеянин. Андрей сказал мне перед тем, как я уступил место первым людям с площади:

"На сей день ты последний, на кого указал Сам Христос до вознесения, которому ты был свидетелем. Нас было двенадцать, и потом ещё семьдесят, кого выбрал Он Сам, и потом указал жребием ещё на Матфия. Восемьдесят четыре. Почему – Бог весть, а может и ты узнаешь, раз сведущ в законах звезд и чисел, и планет, и раз даны тебе вещие сны. Об этом твоём сне ещё будет у нас разговор. Мы дадим тебе все, что Он дал нам. Не страшен тебе будет ни яд, ни аспиды, ни василиски. Но до этого ещё много надо узнать тебе, и быть с нами и в радости, и в горе. Вижу, что уготованы тебе лёгкие дороги во свидетельство Иисуса. А сейчас иди, Господь с тобой."

Через Андрея крестились ещё передо мною Бахрам и Мосох. Не знаю, что он сказал им, но судьба через много лет связала всех нас. С понедельника после этой пятницы началась для меня новая жизнь.

Глава 5. Чудо у Красных ворот

Новая Община в Иерусалиме

С того дня семьдесят зимних учеников Иисуса практически все время были с двенадцатью Апостолами в большом доме на Овечьей площади, который стал, можно сказать, новым храмом для всех нас, храмом Нового Завета. Иудеи, однако, продолжали ходить и в свой храм во все положенные по их закону дни и часы. В наш храм ежедневно приходили сотни людей, и слушали свидетельства Апостолов о жизни, распятии, воскресении и возне-

сении Иисуса Назарянина, каждый день крестились новообращенные. Я тоже каждый день бывал там и, кроме общих проповедей, общался ещё с Апостолами, более всего с Иоанном Зеведеевым и Андреем Иониным, в свободные их часы. Записывать все, что я слышал от них, не хватало уже времени. Узнав, что один из Двенадцати, Левий Матфей, уже давно ведет записи, и что один из семидесяти, знакомец Николая из Антиохии, эллин по имени Луканус или Лука также начал записи этой весной, я решил вести только дневник событий, тем более что иудейские премудрости, хотя бы и новозаветные, давались мне не без труда. Я охотнее обсуждал с персом Бахрамом астрологию Авесты и слушал рассказы Мосоха о далекой Гиперборее в обществе неутомимой Летиции, и почти каждый день много раз пытался утомить ее, и нередко мне это все же удавалось.

Мы встречались с ней в ее доме, на ее половине, рядом с небольшим бассейном во внутреннем дворе. Потом мы шли в конец улицы в гости к Мосоху, и иногда покупали по дороге вино, хотя у Мосоха оно не переводилось. Там мы веселились, и нередко к нам присоединялись Бахрам и знакомые эллины. Потом мы с Летицией снова шли к ней домой, и снова занимались любовью. Теперь у себя дома я бывал не каждый день. Это был очень активный образ жизни, о котором я давно мечтал, последние год или два, и это время пришло. Отец и мать вполне одобряли мое поведение и когда я бывал дома, то подробно рассказывал им обо всем, что происходит в доме Апостолов.

А происходило очень многое, и каждый день. Прямо на глазах община Петра укреплялась и развивалась. Правила жизни в ней отчасти были похожи на общежитие ессеев, у которых все имущество было общее, и каждый получал из общины столько, сколько ему нужно, а в спорных случаях все решали Апостолы. Но в отличие от ессеев назореи (так их называли теперь) не уединялись и были открыты для мира, и радости жизни вполне признавались ими. Они не избегали ни женщин, ни вина, и все это каким-то очень естественным образом вписывалось в жизнь общины и в ее радостный и светлый дух. А если кто не пил вина и не общался с женщинами в постели, то это не осуждалось а скорее приветствовалось, хотя и не ставилось другим в пример. Радовались только за тех, кто без всяких видимых усилий оставлял плотские радости и всего себя посвящал общине.

Среди Двенадцати только Иоанн и Андрей вообще не пили вина и не имели своих жен-сестер, они вообще были девственниками, и незаметно было, чтобы это как-то волновало их самих или кого-либо другого. После того, как покойный Иуда оставил всю казну в доме Каиафы, община долго не имела никаких денег и жила лишь на милость Иосифа Арифамейского, но после недавней Пятидесятницы, когда тысячи людей крестились в Новый Завет, пошли и пожертвования, и помощь Иосифа в деньгах уже не требовалась. Казной заведовал теперь Матфий, а также один из сводных братьев Иисуса и Марфа, сестра воскресшего Иисусом Лазаря.

Это были золотые дни общины. Во всем царили радость и согласие, все удавалось легко и свободно.

Все это происходило в городе открыто, на глазах Синедриона и всей иудейской верхушки, но они пока ничего не предпринимали. Слишком много свидетелей чуда Пятидесятницы было в Иерусалиме, и чудеса продолжались, и не к чему было придрагаться. В Иудее, как и у всех народов, всегда ценили чудеса исцеления, тем более что именно в Иудее уже давно слишком много было калек от рождения, и больных, и бесноватых, и прокаженных, и число их с каждым годом как будто возрастало. Ессеи, известные всем врачи и целители, не принимали в свою замкнутую общину страдающих хоть каким-либо физическим недостатком. Назореи же не только быстро приобрели славу хороших лекарей, но и принимали убогих в свои ряды, если видели искреннюю веру в Христа-Спасителя и Сына Божиего.

Как раньше Иисус прославился своими чудесами целительства, так теперь Его ученики с каждым днем приобретали славу хороших лекарей-целителей, едва ли не чудодеев, –

только чудесных исцелений, исцелений калек от рождения, что бывало творил Иисус, не было. Но они врачевали таких, от которых отказывались известные лекари, даже из ессеев. Вообще этих простых рыбаков из Галилеи, растерявшихся после распятия Учителя и скрывавшихся затем долгое время, теперь было не узнать. Сила, уверенность и какой-то свет исходили от них, и люди это чувствовали.

Так продолжалось около месяца. Однако уже с середины июня Никодим и ещё несколько высокопоставленных в иудейской верхушке новообращенных предупреждали Апостолов, что первосвященник Каиафа и тесть его Аннан, бывший прежде него первым, и саддукейская аристократия Синедриона более не намерены терпеть рост и популярность новой секты. В те же дни и сотник Лонгин сообщил нам о совещании у Понтия Пилата, которое было созвано по письму из Синедриона, и что главному помощнику прокуратора Афранию удалось настоять на невмешательстве Кесарии в эти иудейские дела: получалось, что Пилат опять готов умыть руки, если Синедрион начнет теперь расправу с учениками Иисуса. Тогда же отец сообщил мне, что у него был на днях разговор с одним священником из саддукеев по просьбе иудея, и что тот просил убедить меня оставить Назореев, не вмешиваться в иудейские дела, – все-то они знали! Отец сказал, что он резко ответил саддукею, как подобает римскому гражданину, но попросил меня быть внимательнее и осторожнее в словах и поступках. Одно дело, когда речь идет об иудее, но не хотелось бы, сказал мой Сидоний, услышать подобное предупреждение от офицеров Афрания.

Отец одобрял мое, по жребию взятое решение, и вместе с матерью они уже не просто сочувствовали, а восхищались Апостолами и их делами. Но теперь они явно боялись за меня, хотя и ясно было, что не-иудеев Синедрион и пальцем не посмеет тронуть, тем более граждан Рима. Но родители боялись волнений в городе и фанатизма иудейских толп, которые иудейская верхушка умела возбуждать и направлять их неистовство. Они по-прежнему недолюбливали иудеев и для них появление иудейских Апостолов было поэтому ещё большим чудом. Я за этот месяц узнал иудеев лучше, чем за все предыдущие годы, и полагал что бояться нечего. Но убедить в этом родителей мне не удалось, и я обещал вести себя осторожнее, избегать возбужденных толп, если они появятся в Иерусалиме, и даже не заходить в общий двор иудейского храма, открытый и для "язычников", или "гоимов, гоев", как называли не-иудеев среди самого избранного народа.

Как же скоро я нарушил свое обещание и как дорого мне это обошлось!

Апостолы между тем продолжали вести себя так, как будто их все эти слухи не касались. Община каждый день увеличивалась на несколько человек, иногда и более десяти. В нее вступило много эллинов, в том числе женщин, и другие жившие в Иерусалиме и городах побережья не-иудеи. Иудеи же, которые были в большинстве, по-прежнему ходили в положенные дни и часы также и в свой храм, и Апостолы также. В последний вторник июня я был с утра в доме Иосифа-книжника. В тот день Пётр и Иоанн, – так многие теперь называли по гречески Симона-Кифу и Иохананна, – собрали с десятков человек в одной из нижних комнат дома, и речь пошла о том, что давно уже, ещё до всех событий последнего времени, интресовало меня: о небесных знамениях, о чтении небесных констелляций светил, планет и звезд. Пётр был уже признанным главою нашей общины, а Иоанн, как говорили, с самого начала был любимым учеником Иисуса, а до этого учился с младых лет ессейской мудрости, затем был с Иоанном Крестителем, который сам вышел от ессеев.

Ессеи же славились знанием небесных законов, составляли карты неба на разные события, называемые по гречески гороскопами, вели свой календарь, позволяющий связывать ход времени с ходом небесных светил. Они когда-то предсказали молодому Ироду, что тот станет великим правителем Иудеи и будет править ей долгие годы. Много на их счету было и других известных в Иудее предсказаний, но известно было и то, что ессейские старей-

шины и руководители не признали Иисуса ожидаемым иудеями Мессией-Спасителем, хотя и встречались с Ним, и вели долгие беседы ещё до крещения Иоаннова в Иордане. Об этом и начал говорить Иоанн:

– Вы знаете, что среди нас немало ессеев, и здесь половина из вас вышла от них. Они взяли свое начало ещё при первосвященнике Симоне Праведном и обособились во времена нечестивого правителя Антиоха Эпифана, который устроил в прежнем Храме Иерусалимском блудилище, и разместил идолов языческих. Ессеями была найдена в тайниках храма книга Даниила, а затем Еноха, который жил при Адаме и был взят живым на небо. Это были пророческие книги, где были предсказаны времена нечестивые, и спасение от Мессии, и ход времен до Конца дней. Среди ессеев главенствовал тогда Учитель Праведности, толкователь святых книг, и был он распят при первосвященнике Симоне Маккавее на Голгофе, где и Иисус наш принял крестные страдания. Было это четырежды по сорок, или более лет назад. С тех пор ессеи, называвшие себя ещё Сынами Света, хранили пророческие книги и много преуспели в чтении небесных знамений, и звезд, и светил, и планет. По своим расчетам и якобы по пророческим книгам они ждали прихода Мессии-Спасителя через сорок лет после распятия своего Учителя Праведности, но Он не пришёл тогда. Дела давние, но известно ли вам, что Иисус по возвращении из Своих странствий, ещё до крещения в Иордане был в Кумране у Мертвого моря в есеевских обителях и пещерах, и что хотел с ними начинать Свое служение? Да будет известно вам, что старейшины Кумрана, зная о многих Его путешествиях и посвящениях в тайные знания Индии, Тибета, Персии, Египта, Эллады, и проведши с Ним в беседах многие недели, признали Его первенство среди них, и предложили Ему быть их Учителем и Главою, поставив однако условие, чтобы община их оставалась избранной для немногих и изолированной в Иудее, не говоря уже о других народах. Они сказали Ему также, что несмотря ни на что не могут признать Его Мессией, их расчеты и книги Даниила и Еноха, как они их понимают, указывали на давние сроки, и теперь они лишь хранят пророческие книги и свои знания до лучших времен. Иисус убеждал их открыться миру, не обособливаться более, сначала хотя бы среди самих иудеев, и готов был тогда начать с ними. Однако старейшины ессеев были непреклонны и остались при своем.

Поэтому Иисус ушёл от них, и пришёл к Иоанну на Иордан. Иоанн же, кто ещё не знает, с младых лет воспитывался у ессеев, а за год до того ушёл от них пророчествовать всем овцам дома Израилева и крестил их в Иордане. Тогда и я был в его учениках, и Андрей. Иоанн указал мне и Андрею на сего Иисуса, когда крестил Его в воде, и сказал нам: "Сей есть Агнец Божий", и послал к Нему, и мы пошли за Ним.

Вот что сказал в начале того дня Иоанн.

Потом продолжил Петр:

– ...Пророки от Исаяи и ранее, и Даниил и другие пророчествовали от Бога и не нуждались в составлении таблиц и обсуждении хода планет. Иоанн Креститель был обучен астрологии у ессеев, но стал затем выше всех пророков, и небесные знамения шли ему от Отца Небесного. Иисус учил нас понимать небесные знамения и разумом и сердцем, но Сам был в Духе Святом, и не нуждался в помочах разума. Ессеи считают, что прочие все, кто не пророк, нуждаются в этих помочах, чтобы знать от Свидетельства небесного свои задачи на земле и не запутаться среди людей. Нуждаются ли? Ибо вне Духа Святого можно запутаться в усилиях своего разума, как это и случилось даже со старейшинами ессеев, когда Иисуса Назорея они пытались понять разумом и через звезды. Нужно ли нам теперь Небесное послание, данное от начала в звездах? Нужно ли, если теперь у нас есть Новый Завет с Господом и Дух Святой, Утешитель послан нам от Отца по просьбе Сына? Что могут разъяснить в книгах Моисея звездочеты? И вот ещё, отдельно от прочего: в чем ошиблись старейшины

ессеев? Почему так прочитали книгу Даниила, почему не увидели в ней пророчества об Иисусе Назорее? Или не было этого в книге Даниила?

Так сказал Петр.

Иоанн, сидевший по-прежнему рядом с ним, добавил:

– Мария, мать Иисуса, рассказывала о старце Симеоне, дожившем до ста сорока лет, которому было обетование от Учителя Праведности ессеев Цадока, когда Симеон был ещё мальчишкой, что он не умрет, пока не увидит Младенца Христа. Так оно и вышло. И этот Симеон оставил Марии свои записи об Учителе Праведности, которые сделал уже в старости, но будучи в ясной памяти. Мария показывала мне эти записи, и там упоминает Симеон, среди прочего, что этот Наставник был сведущ более всех ессеев и в звездочетстве, и что составил он гороскоп на грядущего Мессию. Но где эти записи самого Наставника ессеев, – никто не знает. Симеон же не захотел сообщать об этом никому, так как, сказано было им Марии, Наставник завещал спрятать все свитки так, чтобы не нашли, чтобы пролежали они 2000 лет, до конца времени Рыб, которое при нем началось. Не должно нарушать покой того, что не нам предназначено, и мы не будем. Но братия, прочитайте доступные нам по воле Марии записи старца Симеона, они также могут помочь в этих загадках, о которых сегодня говорим с вами.

Так сказал Иоанн.

Мы сидели в некоторой растерянности: слишком много неожиданного было сказано.

Иоанн почувствовал это и добавил:

– Понятно братия, что не сей час, и не в сей день решать все это. Мы собрали вас ещё и потому, что много попечения сейчас у меня, и у Петра, и у Андрея, и Иакова о новых обращенных, которых уже гораздо более трех тысяч. Не имеем времени сами разобраться во всем, что сегодня говорили вам, но обещаем вам всякое слово каждого выслушать и сказать, что знаем более того.

Бахрам, похоже, быстрее других врубился в этот дремучий лес. Он с него и начал. Он сравнил с ним иудейскую Тору, пятикнижие Моисея, священную книгу иудеев, сначала отдав долг восточной вежливости:

– Большой почет для меня, что вы, свидетели и посланники Иисуса, спрашиваете, тем более что я среди вас чужеземец. Также и для Рема, сидящего со мной, неожиданно и почетно это. Наверное и для других. Но прежде чем начать разбираться во многом, что вы здесь сказали, надо мне для себя уяснить вот что. Для саддукеев и фарисеев, и для всех иудеев всякое размышление над Торой, за рамки самой Торы выходящее, есть, видимо, грех. Для вас, свидетелей и посланников Иисуса, и для нас, следующих за Ним, так ли это? Правильно ли поняли мы, что теперь, пребывая в Новом Завете, такое возможно и не есть грех перед иудейским законом? Иисус сказал, что пришёл не нарушить закон Моисея, но исполнить его, – и исполнил! Исполненное Им, подлежит ли осуждению? Множество оград поставлено было в Завете Моисея, чтобы иудеи сохранили веру в Единого и чтобы произросла от вас Отрасль Иисуса, – для всех народов. Новый Завет – для всех, но прежний, он для не-иудеев как дремучий лес. Надо ли всем знать его и пытаться понять все в нем? Не потеряется ли вера в этом лесу?

Иоанн ответил Бахраму:

– Вера есть дар Духа Святого. Но не всем даются дары. И даже если дан тебе или иному этот дар, то пренебрегающий разумом и не испытующий им может потерять веру. Не должно также верующему считать врагом своим мыслящего и испытующего. И даром веры надо делиться, ибо он от деления возрастает, а не убывает. Верующему не должно сомневаться в надобности разума, ибо Господь есть не Творец неустройства, но мира. Только Отец и Сын и Дух Святой совершенны, – тварное же все в знаении и движении Слова Христа и ко Христу. По Его же словам, не разумеющие знамения хода времен суть лицемеры. Лицемеры те, кто

отвергает испытания разума. Если будем ставить сами себе ограды, то и веру потеряем, ибо и Дух Святой там, где движение, а не мертвечина... Сейчас же заканчивается восьмой час от восхода и надобно мне и Петру и иудеям идти на молитву в Храм Иерусалимский, ибо для иудеев Новый Завет не отменил Моисеева Закона молитвы в Храме, и мы исполняем его.

– По дороге договорим, Бахрам, – добавил Петр, и мы все пошли с ними к Храму. Был час девятый, самое жаркое время дня. Хотя я прожил в Иерусалиме уже десять лет, но летняя жара всегда донимала меня. Раздражали ещё и нищие, и калеки, и больные, немало которых покорно сидели в этой жаре на улицах весь день в тени домов или смоков и маслин, – в это время дня и тень в Иерусалиме едва спасала лишь на короткое время. Но привычные к жаркому лету иудеи, и Петр, и Иоанн, и южанин Бахрам бодро продолжали разговор, который переместился теперь с отвлеченных высот звездочетов на то, что мы видели по дороге, – как раз на этих нищих, убогих, калек. Пётр и Иоанн вспоминали, что в их детство нищеты и убогости было меньше, и ещё и родители их сетовали, что нищих и убогих с каждым годом все больше и больше. Год от года прибавлялось и бесноватых, по всей Иудее. Они вспоминали, как исцелял многих Иисус, как уважали и любили Его за это люди. Но каждое исцеление в конце концов оборачивалось для Него неприятностями от иудейской верхушки, от саддукеев, а потом и от фарисеев. Это было действительно удивительно и непонятно: как так получалось? – Об этом рассуждали Пётр и Иоанн, Бахрам и остальные, кто шёл с нами.

Я шёл, щурился от жары и слушал. Уже на улице Сыроварен, недалеко от Храма, Иоанн предположил, что в последние годы порча и болезни, и бесноватость невидимыми токами расходились от упертых в прошлое, твердолобых саддукеев, а в последний год, может быть, и от фарисеев, – раз каждое исцеление заканчивалось скандалами с ними. Видимо на разломе жизни Иисуса какая-то невидимая суть обнажилась в мире Иерусалима, и поляризовала людей, и обнажила зло в городе. В последний год князь мира сего, сатана, открыто выступил в Иерусалиме против Иисуса, поэтому и получалось так, как было, – говорил Иоанн. Между тем мы приближались к Овчим воротам первого храмового двора, называемого ещё двором язычников, так как в этот большой двор могли заходить все желающие, не только иудеи. В этом дворе всегда было много людей, стояли лавки и просто столы менял и было множество торговых галерей, пристроенных к высоким стенам, окружавшим следующие дворы Храма, уже только для иудеев предназначенные. По рассказам я знал, что там был небольшой женский двор, за ним ещё один, куда могли входить только иудеи-мужчины, внутри этого ещё отдельный двор священников, а внутри его уже сам Храм.

Честно сказать, я даже забыл тогда, что обещал родителям не бывать в храмовом дворе, и мы все через северные Овчие ворота вошли в этот двор язычников. Но здесь я сразу вспомнил про свое обещание, так как на галереях и стенах внутреннего двора висели медные таблички с надписями на греческом и латинском, запрещающие не-иудеям под страхом смерти вход в Красные ворота, – единственные, которые вели из этого общего двора в иудейские дворы Храма. Однако разговор продолжался, и не мог же я развернуться и уйти, и интересно было. Правда, здесь тоже было много убогих и нищих. Наверное среди них были свои правила, кто где может сидеть и возможно на самые лучшие места среди них была своя очередь. Лучшим местом для нищих в этом дворе были конечно Красные ворота, четырнадцать широких ступеней пред ними, ведущие вверх. На этих ступенях, справа от ворот, сидел сегодня известный всем иудеям, как я потом

узнал, хромой от рождения, лет сорока от роду, которого приносили на ступени другие нищие. Звали его Хирам. Пётр и Иоанн направились к воротам, а я, Бахрам и эллины собрались было идти обратно, но тут произошла задержка: хромой просил у них

милостыню, а мы знали, что обычно Апостолы ходили по городу без денег, все деньги были в казне общины, и мы остановились, готовые помочь чем могли хромоту и выручить Петра и Иоанна.

Чудо у Красных ворот

Солнце стояло высоко за зубцами Антонгиевой башни, их перемежающиеся тени разделяли двор надвое. Стоя в тени, мы видели, как Пётр внимательно посмотрел на нищего, – а тот сидел с опущенной головой и видел наверное только сандалии Петра и Иоанна. Пётр сказал ему:

– Взгляни на нас.

Калека с надеждой поднял глаза, правая рука его опустилась на желто-багровое страшноватое колено, и он слушал, что скажет Петр.

– Серебра и золота нет у меня. Но вижу, что нужно тебе иное, и что можешь ты принять мой дар. Что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи. Пётр сказал это громко, так что слышали все, не только мы, но и люди, стоявшие неподалеку у лавок мянул и торговцев жертвенными животными. Многие оглянулись на ворота и прислушались. Давно здесь не слышали имя Назорея, но помнили о нём, – каждый свое. Калека по-прежнему сидел, только, – я видел, – багровое колено его мертвой убогой ноги задрожало, и рука на колене пыталась унять эту неожиданную дрожь. Пётр положил свою руку ему на голову, и дрожь усилилась. Теперь убогая нога уже вся и заметно для всех подрагивала, а желто-багровый цвет ее переходил на глазах в малиновый. Все кругом молчали, и это продолжалось с пол-минуты, очень, казалось, долго. Привлеченные замешательством на ступенях ворот подошли ещё люди, и торговцы вышли из галереи. Я подошёл поближе, чтобы видеть все. Бахрам что-то сказал мне и попытался дернуть за руку, но я отмахнулся и подошёл ещё ближе. Собиралась толпа. Пётр властным движением взял правую руку хромого, и поднял его на ноги, и сразу отпустил. И он не упал! Прихрамывая и подволакивая малиновую ногу, он сошёл со ступеней, и размахивая руками бестолково закружился на месте, поднимая дворовую пыль. Потом, воздев руки к небу, стал громко молиться. Толпа иудеев вокруг меня уже теснилась, было наверное несколько сот человек со всего двора, – они все тут знали хромого от рождения Хирама.

Я чувствовал ужас и изумление, охватившие людей, и сам был поражен не меньше других. Хирам оказался темпераментным мужиком, и подпрыгивал теперь на широких ступенях, и хлопал себя по ляжкам, и громко воздавал хвалу Господу, и захлеб кричал что-то о Назорее, об Иисусе, и звал всех в Храм, молиться. Петр, Иоанн и он поднимались по четырнадцати ступеням в Красные ворота.

Изумленная толпа молча двинулась за ними, увлекая меня с собой.

Я краем глаза заметил ещё большую медную доску на стене у ворот со страшным предупреждением, которое относилось теперь лично ко мне. Я дернулся было, попытался развернуться в толпе, но куда там, – меня бы просто растоптали. Вот чего испугался Бахрам, и почему он пытался выдернуть меня из толпы! Судорожно накинул я на голову легкий капюшон своей летней накидки, и оказался вместе с иудеями по ту сторону высокой стены...

Толпа быстро миновала небольшой женский двор и вынесла меня на такие же широкие ступени следующих ворот, потом я узнал, что называли их Никаноровыми. Они были высокие и роскошные, покрытые полированными золотыми и серебряными пластинами и блестели на солнце как огромные фантастические зеркала. Я заметил ещё отполированные кедровые стены и колонны по бокам этих ворот, и мы были уже за ними, в следующем иудейском дворе.

Храм открылся здесь во всем своем ошеломяющем и грозном великолепии. Он виден был ещё через одну, теперь уже низкую ограду из розового мрамора. За ней был виден двор священников и огромное беломраморное основание самого Храма, и его колонны. Я заметил ещё одни ворота, ведущие во двор священников. Они были закрыты и сплошь украшены крупным золотым литьем в виде виноградных лоз. "Вот что скрывают иудеи от всех", мелькнула у меня мысль, и стало по-настоящему страшно. Я видел наши римские дворцы в Кесарии и в претории, и восхищался ими вместе со всеми, но здесь было другое: грозный Яхве иудеев и тысячи лет их истории застыли здесь. Рим и его веселые боги годились Ему здесь разве что в несмышленные внуки.

Между тем все устремились к одной из красивых кедрового дерева пристроек у внешней стены этого большого двора. Людей было уже несколько сот, а может и тысяча, и все прибывало. На меня никто не обращал внимания, и идти против толпы я все равно не мог, тут-то меня и заметили бы, точно. Все смотрели на Петра, Иоанна и Хирама, которые поднялись на ступени притвора. "Соломонов притвор, где Назорей проповедывал", – услышал я шепот в толпе. Я все же постарался замешкаться и оказался с краю толпы, ближе к Никаноровым воротам, и оглянулся на них, примериваясь к отступлению, если кто-то обратит на меня внимание. Но все уже слушали Петра, стоявшего на возвышении притвора. Он сказал:

– Мужи Израильские! Что дивитесь сему и что смотрите на нас, как будто мы своею силою или своим благочестием сделали то, что он ходит? Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса, Которого вы предали и от Которого отреклись перед лицом Пилата, когда он предлагал освободить Его. Но вы от Святого и Праведного отреклись, и просили даровать жизнь разбойнику, человеку убийце. А Начальника жизни убили. Но Бог воскресил Его из мертвых, чему мы свидетели.

Все молчали растерянно, так неожиданно и резко было обвинение Петра. А народу все прибывало, и уже гораздо более тысячи людей слушали его. Слышавшие только последние слова начали было переспрашивать и возмущаться грозным его обвинением. Наверное Пётр заметил это и сказал дальше:

– И ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего Хирама, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление сие пред всеми вами... Впрочем, я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали против Иисуса по неведению. Бог же, как провозвестил устами Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил. Итак, покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши. Да придут времена отрады от лица Господа, и да пошлет Он предназначенного вам Иисуса Христа, Которого небо должно было принять до времен совершения всего, что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века. Моисей сказал отцам: "Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как Меня; слушайтесь Его во всем, что Он ни будет говорить вам; и будет, что всякая душа, которая не послушает Пророка Того, истребится из народа". И все пророки от Самуила и после него, сколько их не говорили, также предвозвестили дни сии. Вы сыны пророков и завета, который завещал Бог отцам вашим, говоря Аврааму: "И в семени твоём благославятся все племена земные". Бог, воскресив Сына Своего Иисуса, к вам первым послал Его благословить вас, отвращая каждого от злых дел ваших.

К концу речи Петра я заметил, что с другого от меня края толпы появились служители Храма и начальники храмовой стражи. Пора было тихо исчезнуть. И так я слушал уже давно со страхом, как на иголках, и в ноге появилась дрожь, и как бы не охрометь вместо этого Хирама, думал я. Тихо-тихо я отошёл к кедровой стене и двинулся к Никаноровым воротам, видя искоса, как пробиваются начальники стражи через толпу к Соломонову притвору. Я чувствовал себя сразу и святотатцем, оскорбившим чужого Бога, и предателем Петра и Иоанна, и чувствовал себя наверное так, как сам Пётр три месяца назад, в утро Страстной

пятницы 14 нисана, когда он, испугавшись за свою жизнь, трижды отрекся от Учителя. Мне удалось тихо скользнуть в Никаноровы ворота и спуститься по их ступеням в женский двор, но тут я почти столкнулся с двумя дюжими иудейскими стражниками, быстро идущими на шум, доносившийся из мужского двора. "Что там происходит?", – спросил меня один из них на арамейском, и я ускорил шаг, – акцент сразу выдал бы меня. "Эй, ты что, глухой? И почему ты в накидке?", – спросил он.

Я бросился к Красным воротам, до них было локтей двадцать, и в диком страхе одним рывком выкатился на их широкие ступени. Здесь один из стражников нагнал меня и схватил за руку, я дернулся и мы оба рухнули на ступени и покатались по ним. Я вскочил первым, сделал ещё рывок и оглянулся: стражник пытался подняться с того самого места, где час назад сидел калека, и скривился, схватившись за ногу, – похоже он подвернул или сломал ее, кувыркаясь со мной по ступеням. Мне было не до смеха, у меня самого ноги дрожали, и я чувствовал себя как заяц, которого вот-вот настигнет борзая. "Держи его! Держи гоима! Бейте его!", – кричал стражник, и люди уже смотрели на меня, и несколько иудеев быстро пошли в мою сторону. Тут я заметил слева Бахрама и Мосоха, – они, видимо, поджидали меня, и теперь бежали ко мне, отсекая также двух иудеев. Другие иудеи были гораздо дальше, но они уже поднимали с земли камни, – так и положено было убивать осквернителей Храма, камнями! Я на бегу свернул налево, к Бахраму и Овчим воротам. Первый удар, брошенным камнем, пришёлся мне в плечо, – больно, но бежать я мог.

"Беги дальше", – крикнул мне Бахрам, а я уже слышал чье-то горячее дыхание за спиной. Как я ненавидел в этот миг иудеев! Пришлось оглянуться, и я увидел набегающего смуглого, с медно-рыжей курчавой бородкой молодого иудея в зеленой накидке. Он был явно сильнее меня и уже заносил руку для удара. Время как будто почти остановилось и двигалось как-то рывками. Я развернулся и решил бить головой ему в лицо, – в уличных драках, хотя их было у меня и немного, я видел такой прием, но то было с мальчишками... Иудей не успел притормозить и мой удар головой пришёлся ему прямо в лицо. Я услышал страшный звук хрустящих лицевых костей (его!), – но и мой череп как будто треснул, и волосы сразу стали липкими и чья-то кровь потекла за ухо. Иудей рухнул на месте, а я, схватившись за голову и развернувшись, неуклюже побежал дальше, к Овчим воротам. Сзади я слышал смачные удары и крики, – это наверное гигант Мосох молотил двоих иудеев, что бежали за мной сзади рыжего.

Около самых ворот Бахрам подхватил меня за плечо и бежал, помогая мне. Сразу за воротами мы свернули в одну из боковых улиц и наверное затерялись среди людей, потому что больше нас никто не преследовал. Спасло нас наверное то, что иудеев почти не было общем дворе, где произошла драка, – все они были во внутренних дворах Храма, где происходили главные события того дня. К тому же быстро наступали вечерние сумерки, и не видно уже было в каком мы виде.

– Считай что ты сегодня второй раз родился, – сказал Бахрам. – Поймали бы если – убили. Как тебя занесло в Храм? Разве можно так?

– Где Мосох? – спросил я.

– Не волнуйся, Мосох и не в таких переделках бывал. Он и пришёл, чтобы драться, если надо. За ним наши эллины сбегали, как только мы увидели, что ты в толпе пошёл в Красные ворота. Ладно, раз так все получилось, расскажи, что было там. Но я только зубами заскрипел, так тошно мне было и больно голове.

Бахрам проводил меня до дома. Мать, не привыкшая к таким проишествиям, повела себя на удивление спокойно, обработала рану на голове, – наверное от зубов иудея, и только когда я начал рассказывать, что произошло, она разволновалась. Много мне пришлось выслушать справедливых упреков от нее, а затем и от отца. Я обещал им, и теперь уже и самому себе, что больше не буду ходить в общий двор Храма, и даже приближаться к Храму

не буду хотя бы неделю, пока слухи о драке не улягутся. Только после этого я рассказал всем о том, что видел в иудейских дворах, об их грозной роскоши, и что было у Соломонова при-творя, и что говорил там Петр.

Мы вчетвером пили зеленый чай, когда в дверь постучал Мосох. Выглядел он нормально, только на ручищах пониже локтей было несколько царапин и синяков. Сказав несколько вежливых слов моим родителям, и отмахнувшись от предложения промыть царапины, он сразу накинулся на меня:

– Ну парень, ты даешь! Тебе что, жизнь надоела? Зачем ты полез в Храм? Тебе ещё просто повезло. Они имели право убить тебя на месте, и римляне не искали бы убийц, – это их право, убивать чужеземцев в Храме. И у нас на севере, проник бы ты в капища Велеса, тебя убили бы наши жрецы, волхвы. Ты жив остался только потому, что в Храме шум большой был из-за Петра и Иоанна. Считай, они невольно тебя и спасли. Я там и задержался ещё, чтобы узнать в чем дело. Оказалось, что начальники стражи потребовали от Петра и Иоанна прекратить свои речи, и затем увели их вместе с Хирамом к первосвященникам, разбираться что там произошло и почему такое скопление людей было и волнение. Разбирательство наверное завтра будет, сегодня поздно уже было.

– А что же иудеи? – спросил я – их там к концу тысяч пять было, и все слушали Петра. А он так говорил, что до всех дошло, я сам свидетель. Если все ему поверили, то как они допустили увести их троих?

– Рем, в Храме, да ещё в иудейских его дворах, закон один для всех, и что начальники храмовой стражи или священники скажут, то и будет. Это как в претории, или в самой Кесарии, – как Понтий Пилат скажет, так и будет. Для римлян свой закон, для иудеев свой. И потом, они наверное сказали народу, что будет с Петром разговор в Синедрионе об этом исцелении. Они же не в тюрьму их повели. А в городе только об этом исцелении, об этом чуде все и говорят, – так что особо бояться за них не надо. К тому же в Синедрионе будут завтра не только саддукеи, но и другие, и Никодим, и Иосиф Арифомейский ведь тоже в совете. Завтра вечером расскажут все нам, а Бог даст, так сами Пётр и Иоанн ещё раньше их вернутся и расскажут завтра же.

На этом и решили, и расстались до завтра. Отец и я вышли проводить Бахрама и Мосоха, и мы проговорили ещё про то, что было с утра: про небесные знамения, и нужно ли их теперь уметь читать, и про ессеев-звездочетов, и про их Учителя Праведности, и про старца Симеона, который узнал в Храме Младенца Иисуса. Столько разговоров и событий вместил этот день, что голова гудела, наверное ещё и от удара в Храме. Только я лег в постель, как сразу провалился... На двести лет назад.

Глава 6. Смеющиеся в Храме

Как будто сверху я увидел Иерусалим, его южную зеленую окраину, оливковую рощу, широкий ручей, дорогу в город и двоих, идущих по этой дороге к городу. И я пошёл за ними, и слушал, что они говорят.

– А ещё раньше, Цадок? Что было ещё раньше?

– ещё раньше жил человек по имени Погонщик Старых Верблюдов, потом еллины назвали его Сын Звезды, Зороастр. Он объяснил всем, что Божий мир изначально благ, а все плохое в нем временно и побеждается в конце дней через свободный выбор каждого из нас в этой жизни. Земля – Храм Бога, и каждый должен очищать его через добрые мысли, добрые слова и добрые дела.

Семилетний мальчишка несколько раз обежал вокруг идущего к городу Цадока, демонстративно оглядывая все кругом и указывая руками на все, что видел: на оливковую рощу

невдалеке, на близкую речку, на раскидистую смокву за ней, на дальние невысокие скалы, на зеленеющее поле, на тропу, которой они шли, на редкие облака в ясном небе.

– Мы в храме, Цадок? А как же наш храм в Иершалоиме, он ведь тоже красивый, и все ходят туда, и детей носят, совсем малых, – чтобы сразу знали, где храм. Почему Зороастр – сын Звезды? А его принесли в храм, когда он родился? Что он сказал, когда родился? Мама говорит, что сначала я сказал "Цадок", – хотя ты не мой отец. Она удивилась и показала потом меня тебе, да? Так было? Про сына звезды ты в Персии узнал? Я тоже хочу туда, потом домой. А почему ты не ходишь в наш храм в Иершалоиме? Симон Макавей тебя не любит, или он тебе не нравится? Мама говорит, что про первосвященника лучше не говорить ничего, но я хочу все знать. Ты ведь Учитель, Равви, вот и расскажи. Говори, Цадок!

Они подошли к дощатому мостику-настилу над большим ручьем. Учитель взял мальчишку за руку и показал в прозрачную глубину у дна.

– Видишь, две рыбы стоят у дна против течения? Они всегда молчат, хотя знают про свой ручей все. Время течет быстро, как ручей. А вон там дальше на берегу овцы, вот видишь, – баран повернулся, смотрит на нас? Видишь, уходит теперь, и овцы за ним. Наступает новое время, Симеон. Была эра Овна, наступает эра Рыб. Овны шумные, прямые, упрямые. Рыбы молчат и дышат тайной воды. А кто будет теперь весь в словах, – как рыба в чешуе, – тот от сатаны, Симеон.

Симеон вдруг застыл на мгновение, как будто что-то услышал, вырвал руку и побежал с настила к едва видной тихой заводи, которую образовал изгиб ручья у песчаного плеса в высокой траве. Присел там на корточки и увидел ту, которая позвала его. Это была маленькая рыбка, чуть больше пескаря. Она выплыла прямо к нему, на расстояние вытянутой детской руки и как будто глотнула воздух, высунув рот из воды. "Ты", – как тихий гром услышал он с неба, – почему-то с неба, не из воды, а на воде лопнул воздушный пузырек. Несколько секунд они застыли, глядя друг на друга. "Сейчас ещё что-то скажет", – точно знал мальчишка и замер до дрожи.

Вдруг шевельнулась трава рядом с ним, легкий порыв ветра показался грозным чьим-то вздохом и испугал обоих. Он сморгнул, и увидел ее уже уплывающей, как будто огорченной этим вздохом.

– Цадок! Цадок! Ты слышал? Она... Она... Сверху сказала мне "Ты", – мне сказала! Ты слышал, Цадок? Ты слышал?!

– Ты сказал, я слышал, – улыбнулся Цадок, – значит, придётся рассказать тебе. Значит, ты – это Ты. Тогда слушай. Первое, что сказал Заратуштра? Как только он родился, он рассмеялся радостно, как маленький звонкий колокольчик прозвучал в огромном храме, на Земле. Об этом написано в Авесте, на воловьих шкурах, и я переписал их в Персии, всю двадцать одну книгу. Я покажу тебе эти свитки, и ты, Симеон, – значит это будешь ты, – через много-много лет, после войны с Римом, после землетрясения спрячешь их в пещёрах на берегу Мертвого моря, и они будут дожидаться там другой, за Рыбами, следующей эры... Ты спрячешь в тех пещёрах все наши свитки. Спрячешь и завернешь их так, чтобы они выдержали две тысячи лет. Запомни, Симеон!.. Сыном Звезды его назвали за то, что он смотрел на звезды и знал будущее.... Храм в Иершалоиме будет перестроен, он будет ещё красивее, и ты увидишь его, и будешь часто бывать там. Но опасайся начальников храмов, построенных людьми. И этого Маккавея, и других за ним. Вырастешь, поймешь почему. Запомни, наступает время тайн. Ты будешь жить долго, очень долго. Ты даже устанешь жить, Симеон. Ты проживешь в два раза дольше меня.

– Ты что, уже умрешь, Цадок? Почему ты так говоришь? Тебя убьет Маккавей? Я не хочу. Давай уйдем в Елладу, в Персию. Ты сказал, храм везде. Твои ессеи зовут тебя Мудрым, давай уйдем с ними. Ты как Баран у них, они пойдут за тобой.

– Они не пойдут. И я должен быть с ними. Но мое время уходит. Тебе сейчас семь, мне – скоро семьдесят. ещё три года я буду здесь...

– Я не хочу, Цадок. Сделай так, чтобы ты жил, – ты все можешь. А помнишь, ты говорил, что Илия снова придёт? И ты придешь снова?

– Да, Илия снова придёт. А за ним, через полгода после него, приду и я... Ладно, пусть это буду я, – раз тебе так хочется этого. Пусть ты будешь думать, что это я пришёл. И ты, раз это Ты, – ты дождешься и узнаешь меня. Ты не умрешь, пока снова не увидишь меня, мальчик. Запомни, как бы ты ни устал, что бы ни было потом, я приду снова, и ты узнаешь меня.

– Но как я узнаю тебя, Цадок? Сколько мне будет лет?

– Тебе будет сто сорок лет, Симеон. Ты будешь однажды в храме и там узнаешь меня, потому что я рассмеюсь там, в храме.

– В храме нельзя смеяться. Все стоят там тихо и слушают Маккавея. Тебя выгонят, и тебе будет стыдно.

– Тому, Кого ты узнаешь в храме, будет сорок дней от роду, Симеон, и Его простят. Многие даже и не услышат. Но ты услышишь и узнаешь меня, когда я рассмеюсь в храме как Сын Звезды. И скажешь нашим, моим ягнятам, ессеям, что я вернулся.

– Ты говоришь непонятно, Цадок, но я запомнил. Смотри, если обманешь, если не придешь снова, я выкопаю твои книги из пещёры и прочту их. И все узнаю тогда.

– Договорились, мальчик, – улыбнулся Цадок.

– Зачем же ты придешь снова скоро, если твои книги найдут только через две тыщи лет?

– Скоро? Почти сто сорок лет – это не скоро. Я приду объяснить людям, какая она, эта эра Рыб, эра тайн и молчания, эра любви и сострадания. А если не поймут меня, я возьму перед Богом все их грехи на себя, искуплю их. Потом, не сразу, люди поймут меня, поймут мой Новый Завет. Ты же запомни, – я рассмеюсь в храме, как Сын Звезды.

Они подошли к городу. Здесь Цадок свернул на одну из окраинных улиц, а мальчишка побежал дальше, – дом его семьи был недалеко от храма. Он бежал радостный и гордый: он слышал слово Рыбы, и Цадок не умрет совсем, он снова придёт, и Симеон узнает его. Подбегая к дому, он кричал на всю улицу, полупустынную в этот жаркий полуденный час:

– Мама, мама! Цадок не умрет! Он рассмеется в храме, и я узнаю его!

Один из немногих прохожих, смуглый и чернобородый, оглянулся и внимательно посмотрел на мальчика и на дом, в дверь которого он нетерпеливо вбегал.

"Маккавей не удивится, но будет рад услышать это... Рассмеется в Храме! Ну и учитель у этих ессеев, не зря Симон уже пять лет присматривает за ним... Он не умрет! Он не умрет своей смертью, этот самозванец, это верно... "Сын Божий", – так он себя называет. За одно это по нашим законам можно распять нечестивца. А тут ещё оскорбление Храма... Он рассмеется, и все узнают, кто он такой... Самонадеянный дурак. За что только эти ессеи называют его Мудрым. Вот Баран, это верно. Глупый и наглый как баран. Давай-ка, Саул, зайди к первосвященнику прямо сегодня, вот только жара к вечеру спадет..."

И был вечер, и было утро: день один. И прошло много дней. И был суд в Синедрионе, приговоривший Учителя Праведности ессеев Цадока к смерти через распятие на кресте, за оскорбление культа и намерение оскорбления Храма. Говорят, что Цадок молчал весь суд, ничего не говорил. И только когда первосвященник, предъявив ему обвинение в намерении оскорбления Храма через осмеяние его, спросил, выдержав паузу и не мигая глядя ему в глаза: "Если ты решил осмеять Храм, то затем ты хочешь разрушить его?", – только тогда Цадок чуть заметно улыбнулся: "Ты сказал. Я скажу в следующий раз, когда вернется планета Рыб."

Первосвященник обернулся к Саулу, чернобородому служке Храма и любителю астрологии. Тот что-то сказал Маккавею. "Через сто шестьдесят пять лет?" – переспросил чуть слышно. Громко сказал: "Ты безумен и опасен, Цадок. Скажи нам что-нибудь ещё."

Но больше Учитель ничего не сказал. Его распяли на Голгофе, на которую через 165 лет взошёл Иисус Христос, через цикл Нептуна, управителя эры Рыб.

Первосвященника Симона Маккавея сменил Александр Яннай, и тоже преследовал ессеев. Затем сменились на иудейском троне ещё цари и царицы. Затем Рим завоевал Иудею, и ессеи с оружием в руках боролись против легионов Помпея... Симеону в те годы было уже за семьдесят, но он был очень крепок. Однако оружие в руки он не брал, и помнил слова Цадока об эре Рыб. А ессеи что-то забыли, что-то важное. Теперь их и не преследовали. Но с самыми верными из них Симеон спрятал в пещёрах Кумрана без малого тысячу свитков и документов общины. Он помнил, что свитки должны быть в сохранности две тысячи лет, и тщательно готовил клад к этому сроку, обмазывая горшки с кожаными свитками специально приготовленным раствором, укутывая их вымоченными в особых смолах льняными полотнами.

Потом, ещё через тридцать лет, было сильное землетрясение, разрушившее Кумранский монастырь ессеев. Потом, как и говорил Цадок, Ирод Первый снес старый храм и на его месте построил новый, много больше и красивее старого. И Симеон ходил туда часто и ждал Учителя, когда он рассмеется в храме. После 120 лет он устал жить и только ждал Цадока. Когда ему исполнилось 140, он устал и ждать. Слишком много он повидал на своем веку... А может и не было слова Рыбы, может ему показалось тогда? Может быть Цадок шутил с ним, с малышом?

Он почти перестал ходить в храм. Все же в один из погожих и не жарких, поздних осенних дней что-то заставило его надеть лучший полосатый плат-таллиф для молитвы. Он закинул концы его за спину и пошёл в храм. По дороге зашёл за Анной, восьмидесяти четырех лет, которую считали пророчицей, с которой он часто беседовал вечерами. Они прошли общий двор храма, где стоял обычный негромкий шум торговцев и менял, и множества людей; вышли в женский двор. Здесь, как всегда, тихо стояли еврейские мужья со своими женами, молились. Приходили с новорожденными, – через сорок дней, как положено, посвятить их Господу. Все как всегда, и было тихо в этом дворе. Вот ещё одна пара пришла с ребенком на руках матери, и ещё одна...

Вдруг как будто тихий, но звонкий колокольчик рассмеялся, рассыпался серебристым звуком. Симеон вздрогнул, оглянулся.

"Тихо, тихо, Иешуа, ты ведь в храме", – услышал он шепот совсем юной матери рядом с собой. Сначала он даже не поверил, потом замер до дрожи, – как в самом детстве, когда ждал слова Рыбы. Вспомнил сразу все, словно это было вчера: "Я рассмеюсь в храме как Сын Звезды, и ты узнаешь Меня". Старец Симеон как будто помолодел на сто лет. Он распрямылся, стал выше многих в храме, повернулся и сделал два шага навстречу юной матери, протянул к ней руки. Она чуть испуганно отстранилась было, но, взянув ему в глаза, передала Младенца. Он, похоже, узнал Симеона и улыбнулся ему. Слова сами полились из горла старца:

– Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовил перед лицом всех народов, свет к просвещению язычников, и славу народа Твоего Израиля. Иосиф же и Мать Его дивились сказанному нём. И благословил их Симеон, и сказал Марии, Матери Его: – се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле, и в предмет пререканий, – и тебе Самой оружие пройдет душу, – да откроются помышления многих сердец...

...Как это иногда бывает во сне, я понял, что нужно просыпаться, но очень хотелось узнать, что будет со свитками, которые спрятаны в пещерах близ Мертвого моря, найдут ли их, и когда это будет, и что в них? Я просил Кого-то, неведомого мне, кто показывал сны, чтобы Он ещё немного не будил меня и мне не хотелось уходить из женского двора храма, где было сейчас совсем не страшно. Но чей-то голос врвался в храм и я чувствовал, что куда-то улетаю от Марии, Младенца и Симеона.

Я открыл глаза и услышал голоса отца и Луки, ученика Иисуса из семидесяти, который как раз говорил отцу:

"... И тебе Самой оружие пройдет душу, – да откроются помышления многих сердец... Так было, Сидоний, и Мария сама рассказала мне это на днях." – Голос Луки слышался из соседней комнаты. Я выскочил туда, накинув простыню и очумело спросил, с какого места начался его рассказ, и когда он пришёл к нам. Он сказал, что пришёл с четверть часа назад, чтобы пригласить меня к апостолу Андрею, а пока рассказывал отцу о встрече Марии и Младенца с Симеоном в храме, – что ему рассказала на днях сама Мария, и он записал ее рассказ.

– Доставай-ка, Луканус, свое стило, я тебе расскажу, что было до того, что мне сам Симеон сейчас рассказал и что я сейчас видел.

– Во сне? Все уже у нас знают про твой сон про Иуду, и Андрей хочет сегодня поговорить с тобой про это. Сны ты уж сам записывай, Реми, я записываю только то, что наяву сказано мне живыми свидетелями. Не потому, что не верю в правду твоих снов, а потому что должно кому-то записать слова всех свидетелей, без домыслов или сновидений.

Умываясь, я спросил Лукануса, не Телец ли он по знаку рождения, что так рассуждает, и точно, он подтвердил, что родился под Тельцом. За завтраком я рассказал всем про свой сон, и много же удивлялись они, и решили, что провидением Божиим занесло меня вчера в иудейские дворы храма, и высокою ценою обошёлся мне этот сон. Я потрогал ещё болезненную шишку на голове и подумал: не иначе как через эту шишку и через вчерашний страх смертельный. Потом мы пошли с Лукой на Овчую площадь, где в доме Иосифа ждал нас Андрей.

Глава 7. Иудин грех. Синедрион

Сам Иосиф с утра ушёл в Синедрион, где разбиралось дело о вчерашнем чудесном исцелении у Красных ворот. В доме как всегда после Пятидесятницы были люди, – в общем зале и в больших комнатах для гостей. Но все же их было гораздо меньше, чем вчера, большинство пошли к стенам Храма. Андрей отвел нас в маленькую комнату на втором этаже гостевой половины дома. По его виду чувствовалось, что он переживает за Петра и Иоанна, и начал он со вчерашних происшествий. Рассказав сначала последние новости про это дело, – что примерно я знал уже вчера от Мосоха, и порасспрашивав меня, что я вчера видел и слышал, он спросил, не жалею ли я о том, что не выбрался из толпы, которая занесла меня в иудейские дворы храма, – ведь мог же я выбраться, если бы очень захотел?

Я подтвердил, что мог, и сказал, что не жалею, – вот если бы убили, или покалечили, тогда другое дело, тогда пожалел бы. И рассказал второй раз за сегодняшнее утро свой сон про Симеона. Андрей слушал очень внимательно и ни разу не перебил меня вопросом. Потом сказал, что хотел сначала, как узнал про мои вчерашние "подвиги", поругать меня как следует, но теперь не будет, – видать и на это была Божья воля.

Однако про этот сон твой будет отдельный разговор, не будем мешать все. Сегодня поговорим про Иуду из Кериота, про которого твои видения помогли многое понять, и надобно и тебе это знать теперь. Мы не любили Иуду, как и многие до нас его не любили, это мы знали. И не столько потому, что он был из Иудеи, а мы все из Галилеи, а из-за его отделенности и скрытности. Иисус сказал как-то, что встретился первый раз с Иудой ещё

до крещения на Иордане, когда был в пустыне у ессеев. Но среди нас он появился гораздо позже, через пол года после этого, и никогда не рассказывал об этой первой встрече. Иисус сделал его нашим казначеем, и точно – деньги он умел считать, и вел казну хорошо, никогда к нему нареканий не было. Однако исчез он в последний день с казной, и осталась она у Каиафы, – так что получается всё же вор, как и называет его Иоанн. Хотя твой сон вывел, что не по злой воле он отдал деньги, а забыл в предательском бреду, – все одно, получается вор. – Андрей помолчал и продолжил:

С самого же начала Иисус относился к нему как ко всем нам. Из первых двенадцати Он выделял только Иоанна, его брата Иакова и Симона, которого теперь зовут по гречески Петром. Постепенно и мы привыкли к Иуде, и так продолжалось до весны прошлого года. Той весной Иисус впервые предупредил всех нас, Своих учеников, что настанут вскоре грозные времена-испытания для всех, что предстоит Ему уйти от нас через страдания и смерть. Сначала никто из нас не хотел тому верить, ибо много людей тогда шло за Ним, и даже многие фарисеи поддерживали нас. Но правда, скоро, несмотря на все чудеса, соделанные Им, отношение иудейских начальников, а затем и фарисеев становилось все хуже и хуже. Они стали придирчивы, спорили каждую встречу хотя бы по пустяку, и выказывали свою ученость, и чем больше Иисус побеждал их в спорах, – а каждый раз так и было, – тем хуже становилось. Почти везде иудейские начальники встречали нас враждебно, и фарисеи везде претыкались. Многие ученики ушли от нас тогда, а когда сказал Иисус всем о грядущей грозе, то и вовсе были дни, когда нас осталось с Христом двенадцать. Иуда остался с нами без колебаний, но все видели, что он изменился. Два или три раза он пытался доказать, что нужно помириться с фарисеями и со старейшинами, говорил что худой мир лучше доброй ссоры, что нет на деле причин ссориться с фарисеями, – как будто Иисус с ними ссорился, а не они каждый раз задирали Его. А главное было в том, как теперь понятно, что мы верили в Иисуса Христа – Сына Божьего, а он, теперь видно, нет. Он считал Его великим Учителем, великим Человеком, которому не было и нет равных на земле, но в Сына Божьего Он не верил, и твой сон тому также свидетель. Мы много говорили меж собою об Иуде Искарите после Голгофы, после его предательства и смерти. Да, все же предательства, как твой сон ни толкуй. Он в душе своей посчитал себя избранным среди нас. Считал, что ему выпал жребий – примирить Иисуса-Человека со всеми, и считал, что это ему удастся, и считал, что этого хочет Спаситель! Поэтому он и все Его притчи последних дней примеривал на себя, и всякое Его движение обращал в мысли о своей будущей славе примирителя. Нас он считал слишком простыми, считал что все мы только и можем, что слушать Иисуса, развесив уши, – может все и сложнее у него в душе было, а по последней сути – так. Главный грех Иудин в том, что он хотел примирить Божие и сатанинское...

– Но как же Иисус выбрал такого ученика? И что же, Он ничего не знал про мысли Иуды в те последние дни? Не мог объяснить ему? – Эти вопросы давно крутились у меня в голове, и теперь я задал их.

– Иисус Сам выбрал каждого из нас, и Иуду тоже. Он Сам нам об этом говорил, и не раз. И Иуда получил ведь дар исцеления, как все мы, и исцелял людей, как все мы, и не боялся яда, змей-аспидов. До прошлой весны все так шло, что будто нет на земле князя мира сего, сатаны. Но видать тогда он почувал, что пришла в Иудее для него опасность, и не захотел он отдавать Слову Господа свою паству. Он и стал свивать вокруг нас свои кольца, как почувал смертельную опасность своей власти. Знаешь ли ты, что на востоке сатану называют ещё "медленно думающим"? Да, не сразу до него все дошло, – только через два года после начала Иисусова служения. Ну а Сын Божий сразу понял, кто принялся собирать вокруг свое воинство и вползает в червивые души. Червоточинка-то у каждого человека в душе есть, и заползал туда сатана, и понуждал фарисеев и книжников злословить Иисуса. Но не только к ним, он заглядывал в глаза каждому из нас, – бывали такие минуты. Иисус говорил нам, что

треть людей идут за сатаной даже и в последние времена, в Конце дней, тоже треть пойдет за ним. Он, может, надеялся отбить у Иисуса четверых из нас, из двенадцати, или более – но отбил одного Иуду. Мог бы Иисус спасти его? Я думал об этом после того, как ты рассказал свой сон. Конечно мог бы. Но тогда сатана положил бы глаз на другого, одного из нас, из оставшихся одиннадцати. На кого, не знаю. Каждый из смертных не без греха и есть за что ухватиться лукавому. Иуду он совратил через мысль о всеобщем примирении, – чем плохая мысль, если забыть о сатане, а значит и о Боге? Меня, не знаю на чем подловил бы, но нашёл бы на чем, – в этом ведь страсть его и сила. Фому-Близнеца на сомнениях подловил бы, это уж все среди нас после Воскресения знают. Спас бы, положим, Иисус и Фому, – так сатана дальше бы крутил свои кольца, и кто-то из нас, двенадцати, все равно стал бы его орудием ко дню Тайной Вечери нашей, кто-то предал бы Иисуса на распятие! Не как Иуда, так иначе... Иисус, получается так, знал об этом с первого дня, как сатана выступил против Него. Прошлой весной сказал он нам, что один из нас – диавол, что будет совращен им. Тем словам все мы свидетели, но тогда мы ничего не поняли, и казались те слова странными.

– Но ведь мог же Спаситель собрать всех вас, и объяснить про сатану, и про все это?

– Он и говорил нам все ещё тогда, – только мы не понимали. Если я тебе скажу сейчас, Рем, чтобы не рвался ты всегда вперёд, что вчерашняя шишка на голове – тебе великое предупреждение, что в то же место ударит тебя, придёт день, твой римский Зевес-громовежец, поверишь ли мне, поймешь ли меня сейчас, будешь ли лезть, куда не надо?.. То-то же, что нет, будешь по своему поступать. Разве что неделю поостережешься. А Иисус все говорил нам: и про будущие страсти, и про сатану, и про опасность предательства, и каждому разъяснял про его слабости, и говорил же ведь, что один из нас предаст, а то, что именно Иуда оказался, – это суд Божий, и иудин жребий. Ты вот, говорят, звездочет, – ну так построй карту Иуды и увидишь, помяни мое слово, что во дни его предательства сатанинская сила в Тельце была, в его знаке. Она ведь, сила эта, по кругу ползает, и жало ее то в одном знаке, то в другом, – всех сразу не может достать, выбирает жертву. Было бы жало в моем знаке, – я бы предал. Может потому и не спас Иисус Иуду, что знал про его жребий. А жребии все во власти Отца, в Его книге запечатаны, и сатана тут, – только раб возгордившийся и отпавший. Так было назначено Отцом, что слабость каждого из нас, всех людей, из всех племен, искупил Иисус на Кресте. Не было бы Креста и Воскресения, значит не было бы вовек и свидетельства Господа на земле, и торжествовал бы на земле тысячи лет иудин грех, грех примирения с сатаной, – к его славе. Но сколько бы отныне во веки веков не изливал свой сладкий яд сатана про всеобщее равенство и братство и мир на земле, мир без Бога, отныне всегда найдутся свидетели, которые скажут: веруем в Сына Божиего и проклинаяем Иуду, предателя Иисуса Христа...

...Вроде бы все понятно говорил Андрей, но я все не мог успокоиться, что-то было не ясно. Ведь если бы Иисус пробыл на земле ещё, скажем, год, Он мог бы все объяснить подробнее и всех Своих апостолов защитить? И победил бы на земле, сначала в Иудее, а потом и везде? – Я спросил и об этом. Андрей ответил не сразу, подумав:

– Тебя вчера чуть не убили, Рем, а ты все туда же, рвешься куда не знаешь. Вот тебя бы, например, сатана на этом бы и подловил. Мысли твои о том, что все можно все же устроить мирно, дайте только время. Иуда думал, что все можно купить и устроить за деньги, или за мир с властью имущими. Ты думаешь, что все можно устроить за время, дайте только время. Не дано нам знать времена и сроки Отца, – и об этом тоже Иисус говорил нам. Каждому дан свой путь, и свой дар от Духа Святого, и свое пятно сатанинское, от прошлых наших грехов, от пакибытия до нынешнего рождения во плоти.

Я наострил было уши и хотел пораспрашивать Андрея про это "пакибытие", но тут радостный шум в доме отвлек нас, – пришли Пётр и Иоанн! Был час девятый с утра, день

был в разгаре. Тонкое, немного нервное с утра лицо Андрея просияло. Обычно слегка скованный в движениях, он легко поднялся, даже схватил меня за руку. Мы пошли вниз, в большую горницу. Иосифа ещё не было, он остался в Синедрионе, а Пётр и Иоанн, бодрые и радостные, окруженные людьми, уже начинали свой рассказ. Я передаю его так, как запомнил тогда. Впрочем, Лука все записал потом, я знаю, – ведь это был рассказ свидетелей, в отличие от моих снов и мыслей. А Пётр и Иоанн рассказали вот что:

Синедрион собрался с утра в большой зале при храме, которая была специально предназначена для его заседаний. Были все его члены, семьдесят два человека, иудейская аристократия. В большинстве это были саддукеи знатных родов, а также начальники фарисеев и самые уважаемые в народе книжники, знатоки Торы, и все 24 первосвященника Авиевой чреды, и главный первосвященник Каиафа, и старый Аннан, его тесть и прежний первый среди чреды. Были другие известные в Иерусалиме старейшины. Были наш Иосиф и Никодим, и ещё несколько менее известных, открыто теперь сочувствовавших Назарянину и Его ученикам.

Петра и Иоанна храмовая стража вывела на середину беломраморной залы и отошла к дверям, где стоял исцеленный вчера Хирам. Первый вопрос был от Каиафы, главного в Синедрионе и среди священников: "Какою силою, или каким именем вы сделали исцеление?" Он и саддукеи не верили во многие чудеса, считали что Велиал отвращает через это людей от веры в единого Бога, который, по их счету, все что должен был совершить, уже совершил, и теперь только и оставалось, что чтить записанное в Торе и соблюдать ее обряды, и надлежало это делать именно им, сидящим в Синедрионе, и главное саддукеям и священникам и лично ему, Каиафе. Вот если бы чудо произошло от кого-то из них, то и спору бы не было. Но от них чудес почему-то не было. А был вопрос.

Пётр и Иоанн в тот момент вспомнили слова Иисуса, который говорил о будущих на них гонениях, и чтобы не думали они, что говорить перед гонителями, что через них будет Дух Святой говорить. И так и вышло, по Слову Иисуса. Пётр сказал теперь нам, и Иоанн подтвердил, что слова сами выходили из них, и не надо было думать, как отвечать этому огромному залу и старцам в белых одеждах. Пётр сказал им:

– Начальники народа и старейшины Израильские! Если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, спрашивают как он исцелен, то да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея¹, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен сей хромым пред вами здрав. Христос есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сделавшийся главою угла, и нет ни в ком ином спасения. Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись. Потом, рассказал нам Петр, они узнали в нас учеников Иисуса, которого распяли, и заволновались, но стоявший у дверей исцеленный Хирам и то, что весь Иерусалим знал о вчерашнем чуде у Красных ворот, это не позволило им сразу расправиться с учениками ненавистного Назарянина. Каиафа приказал Петру и Иоанну и Хираму выйти из Синедриона. Совещание там было недолгим, ибо что можно было сделать против очевидного, чему тысячи людей были свидетелями? Только запретить говорить об этом, и запретить им более исцелять от имени Иисуса. Так Пётр и Иоанн рассуждали меж собою за дверьми Синедриона, и когда вскоре их привели обратно в зал, то так и оказалось: Каиафа от имени Синедриона приказал им более не говорить и не учить от имени Иисуса, ничего от Его имени не совершать. Они же ответили вместе:

¹ Здесь и далее Рем называет Иисуса Христа «назореем», а его последователей – «назореями» или «назарянами». Это неточное определение, но мы оставили всё так, как в рукописи Рема (примечание переводчика). Для справки: «назорей» – в иудаизме, человек, принявший обет (на определённое время или навсегда) воздерживаться от употребления винограда и произведённых из него продуктов (в первую очередь, вина), не стричь волос и не прикасаться к умершим.

– Судите сами, справедливо ли пред Богом – слушать вас более Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали.

И тут прежде Каиафы и нарушая порядок сказал Никодим:

– Надобно нам отпустить их, так как нет на них никакой вины, и не силой Велиала совершено ими исцеление, а именем Иисуса Назорея, чему тысячи людей свидетели, и могут это подтвердить.

И не было у саддукеев и первосвященников и Каиафы никакой возможности задержать их. И Каиафа махнул рукой, и вышел в гнев из зала. За ним вышли уже без стражи Петр, Иоанн и Хирам, и тысячи людей, собравшихся в иудейских дворах храма, приветствовали их и шли с ними до самой Овечьей площади, и стояли сейчас на ней, под окнами дома. Там было и большинство новообращенных назореев, и тысячи новых людей. Пётр и Иоанн, рассказав все это нам, пошли к воротам, и все двенадцать Апостолов крестили новых людей, – пять тысяч душ, – до самого вечера. А когда зашло Солнце, то снова, как на Пятидесятницу, свет засиял над домом назореев и над площадью, и был гул, и теперь ещё колебалась земля. Но в этом свете невечернем и в гуле не было страха, а был Дух Святой и знак Божий о славе дерзновения Апостолов и людей. Но все только начиналось.

Глава 8. Претория. Афраний и Титус

Прокуратор Марк Понтий Пилат жил постоянно в Кесарии, городе специально построенном Иродом Великим для римлян и прокуратора Иудеи на берегу Средиземного моря. В Иерусалиме претория прокуратора размещалась в Антониевой крепости, также построенной Иродом. Мрачная зубчатая Антониева башня возвышалась над городом, видная со всех сторон, и со всех сторон проклиная ежедневно иудеями. Крепость была не так великолепна как дворцы Кесарии, но вполне достойна могущественного римского прокуратора, ныне шестого по счету, назначенного четыре года назад всадника Понтия Пилата.

Через несколько дней после событий у Красных ворот храма и собрания синедриона прокуратор со свитой прибыл в Иерусалим. Его встречал помощник Афраний и днем они недолго беседовали вдвоем. В претории со вчерашнего дня готовились к большому приему, – гонцы из Кесарии прибыли ещё позавчера. А вчера и к нам пожаловал посыльный из претории и пригласил на прием, устраиваемый Понтием Пилатом по случаю дня рождения его римского покровителя, известного консула. То, что прокуратор пожелал отметить день рождения своего покровителя в Иерусалиме, означало, что будет сбор подарков и подношений со всех римских граждан Иерусалима, а также и с богатых иудеев, которые, конечно, не были приглашены, да и не пришли бы на день рождения известного всем ненавистника Иудеи и евреев, но задобрить его богатыми подношениями были обязаны. Все это было известно заранее, и суммы подношений тоже были известны, и мой отец, Сидоний ещё вчера готовил положенные его должности поборы, а теперь с утра обсуждал с матерью, что подарить лично Пилату и его жене Клавдии Прокуле, – это тоже подразумевалось в таких случаях.

Довольно накладны были подобные приемы для всех чиновников претории, и хорошо что римский всадник не любил Иерусалим, и предпочитал управлять Иудеей из Кесарии. Родители вспоминали предыдущего прокуратора Валерия Гракха, при котором поборы были гораздо меньше, и ворчали о том, что поборы ещё и увеличиваются каждый год, – с тех пор как великий наш Тиберий удалился из Рима на Капри и его жесткий контроль за своими наместниками в провинциях ослаб. На этот раз впервые и я должен был идти на прием в преторию, так сказал Сидоний. Это было интересно. Я спросил, можно ли взять с собой мою Летицию, но оказалось, что, хотя ее родители-эллины и были римскими гражданами, они не вошли в число приглашенных. "Таких козочек, как твоя Летиция, будет там предо-

статочно", – сказал Сидоний, и мать с укоризной посмотрела на него, но ничего не сказала. Принесла из своей комнаты красивый серебрянный бокал, черненный египетскими быками и орнаментом, и сказала, что это будет мой подарок Пилату, – от каждого приглашенного требовался подарок.

Так с бокалом в кармане своей праздничной туники я и пошёл к Антониевой башне, а родители – с целой корзинкой подношений. Был уже вечер и все дороги нашего квартала, ведущие к претории, освещались в честь праздника факелами, которые держали через каждые сто локтей воины центуриона Марка, по прозвищу Крысобой. Сам он с тремя своими гвардейцами стоял у самых бронзовых ворот претории. Страшноватое, в шрамах, лицо его было как всегда невозмутимо, а холодные глаза ни на ком не останавливались, но видели все. Внутри претории несла службу в тот вечер центурия Лонгина, и мы быстро нашли его, но у него было тут столько хлопот, что задерживаться не стали и пошли прямо в большой зал, который я видел раньше только мельком и не в такой великолепии. Здесь уже было шумно и сбор гостей был в самом разгаре.

Среди массивных колонн из желтоватого нубийского мрамора по периметру зала стояли низкие широкие столы, многие прямо у прекрасных беломраморных статуй греческих и римских богов, лица которых были удачно раскрашены нежными красками, – казалось, что веселые боги вот-вот оживут и примут участие в застолье, им и двигаться не надо было, столы были под ними и рядом с ними, уже заставленные великолепными закусками, высокими золотыми, серебряными и хрустальными кувшинами с вином, хиосским и лесбосским, и фалернским, и другими; и запотевшими из глины и керамики с родниковой холодной водой. У всех столов в высоких больших вазах стояли цветы, привезенные специально из цветников Кесарии – в Иерусалиме таких не было.

Посередине зала было устроено три фонтана, которых раньше вроде не было, около них тоже стояли низкие столы и золоченые широкие тумбы и кресла. Над фонтанами у потолка висели огромные бронзовые кольца с прикрученными маслянными светильниками, – они ярко освещали весь зал, но ещё и по бокам колонн были факелы, и пламя их чуть дрожало. Пока мы разглядывали все это великолепие, к нам подошёл здешний помощник прокуратора Стаций Цивилис и радушно пригласил нас сначала в зал Тельца, где стоял как живой мощный, из черного металла египетский Апис с белой полосой по хребту, подаренный Пилату египетским наместником Тиберия. Здесь складывали гости свои подарки и отдавали казначеям положенные взносы. Они записали прямо на корзине наши имена, и поставили ее рядом с другими корзинами и коробами. Я вынул свой бокал и под одобрительным взглядом казначея положил его в корзину. Столь драгоценные формальности были выполнены, и любезный Стаций проводил нас к столу у широкой стены зала, между колоннами, под статую Гермеса-Меркурия с золочеными крылышками на ногах. Указав на бронзовый жезл-кадуцей, перевитый двумя золотыми змеями, – символ тайных знаний, – Стаций с улыбкой сказал: "Все начальники писарей рано или поздно начинают искать в книгах свой кадуцей, пусть сегодня он будет рядом с тобой, Сидоний." Поблескивающий жезл нависал прямо над краем нашего стола и огонь двух факелов у колонн отражался в нем. Позже к нам за стол сел ещё начальник писарей Кесарийской претории Стернул, приехавший в город в свите прокуратора. Между тем зал был уже полон и только большая ниша перед статуей Юпитера была ещё пуста.

Но вот из-за нее появились наконец и Пилат со своей женой Прокулой. Пилат был явно в хорошем настроении и странно было видеть улыбку на его грубом и плотном лице. Они сразу привлекли всеобщее внимание: в зале зашумели, а из-за пурпурного занавеса в дальнем углу раздались звуки труб и барабанов, – начало торжественного марша самнитов, к знатному роду которых принадлежал Пилат. Клавдия, скромная и миловидная, но в изысканной желтой накидке и янтарном ожерелье из далекого северного моря села за стол, а

римский всадник в синей тунике, перепоясанной широким пурпурным ремнем, постоял у всех на виду, приветственно подняв руку, – и хорошо же смотрелась эта пара перед мощным Юпитером-громовержцем, грозный лик которого был обращен прямо в зал. "Доволен так, что похоже побывал уже в зале Аписа с нашими коробами", – услышал я шепот из-за соседнего стола. Наверное так и было. Между тем прокуратор поднял руку в римском приветствии, и обратился к залу:

– Беру Юпитера в свидетели того, что мир, закон и процветание да будут в мире, в этих землях и в этом городе. Во славу Рима несем мы до краев земли честь и долг, закон и порядок. Именем благословенного цезаря нашего Тиберия правим мы народами и несем свет и славу Рима. Сегодня мы собрались здесь, чтобы пожелать одному из столпов цезаря и нашему покровителю и благодетелю Сеяну, известному вам, радости и процветания, и жизни, достойной римского консула. Я оценил вашу преданность и доброту, и Рим по достоинству оценит вас и ваши труды в этой дикой земле. Пусть римский орел всегда реет здесь, над этим городом. Мы своими трудами обустроили здесь его гнездо, и в иудейском храме он зорко смотрит за дикими детьми востока. Если слышит меня сейчас их суровый бог, пусть растолкует своим упрямым иудеям то, что я сказал сейчас. Радуйтесь, граждане Рима!

Под эти слова все мы подняли бокалы. Глаза разбегались, глядя на столы. Тут были и перепелки, специально откормленные в хозяйственном дворе претории кузнечиками и простоквашей, теперь они лоснились румяными бочками в винном соусе; и чуть поджаренные языки фламинго, и нежнейшее вареное в молоке мясо козлят, припудренное чем-то ароматным; и белая и красная рыба в креветочном соусе; и множество салатов и зелени; и фрукты, некоторые я не знал как и называются, завезенные из Египта. Пилат любил такие пиршества, как и всякий римский аристократ, и хотел напомнить всем римские застолья, – это ему удалось.

Мы с отцом пили фалернское, разбавляя его ключевой водой, а мать пила изредка нежный мультс, медовую настойку. "Тиния, – позвала ее Клавдия, неожиданно подошедшая из-за колонны, – пойдём, дорогая, поговорим, есть о чем. Мужчины нас извинят." Она улыбнулась и увела мать куда-то в свои покои.

Отец говорил о своих служебных делах со Стернулом, а я разглядывал зал, поедая рыбу во вкусном соусе. Действительно, "козочек", как выразился Сидоний, здесь было немало, и не хуже Летиции. Вызывающий, хотя и негромкий пока женский смех то и дело раздавался в разных местах, а некоторые расхаживали по залу, ища себе развлечений и покровителей на сегодняшней вечер. Но втроем за столом мы оставались недолго. Вскоре к нам подсел Муций Фульвий, помощник Стернула, так он его представил:

– Познакомься, Сидоний, и ты, Рем. Он хочет расспросить вас об этой истории с Назарином, которая снова началась у вас в Иерусалиме. Мы весной думали было, что все кончилось, а теперь доходят слухи, что ученики Его творят чудеса, так ли это? Наш Пилат две недели после той казни отплеывался в Кесарии и клялся Юпитером, что ещё припомнит евреям этого Ганоцри.

– Стоит ли, Стернул, влезать в столь запутанную историю? Все равно ничего тут толком не поймешь, тем более сегодня, в этом зале. Через пару месяцев я буду в Кесарии и расскажу тебе и Муцию обо всем... Ах вот что, – Муций специально для этого приехал с тобой, чтобы составить краткий отчет для консула? Лучше бы поговорить ему с Афранием, – он знает все по должности, а я – только из любопытства.

– Сидоний, дилетанты видят иногда больше профессионалов. Афраний – глаза и уши Пилата в Иерусалиме, и мы поговорим с ним завтра, но я уверен, что понимаешь ты в этой истории больше него. Потому что ты в этой истории свободен толковать все как видишь, а он печется только о безопасности наших римских интересов, и сами по себе этот Галилеянин и Его ученики Афрания не интересуют. А ты, я же знаю, мало того, что из галльских жрецов,

так ещё и большой любитель всякой философии. Я уверен, что и наша уважаемая Прокула сейчас болтает с твоей Тинией не только о женских пустяках, но и об этом Праведнике. Всем известно, что она уговаривала Пилата пощадить этого иудея, и уговорила, – если бы соплеменники Его не предали, был бы жив сейчас Праведник. Так?

Отец ответил не сразу. Отпил из бокала, закусил, помолчал. Потом сказал:

– Стернул и Муций, чтобы вы сразу поняли до чего запутана эта история, и как круто она замешана на невысказанном, я начну с того, что ученики Иисуса Назорея утверждают, что Он жив и сейчас, что Он воскрес на третий день из мертвых и только недавно, через сорок дней после воскресения, ушёл к Своему Отцу на небеса. Он ещё и до казни называл Себя Сыном Божьим, а это по иудейским понятиям богохульство, у их единственного Ягве нет ни родственников, ни сыновей, – не то, что у наших богов. Стоит ли смущать государственного ум нашего консула в Риме подобными фантазиями? То, что интересно галльскому философу, вряд ли интересно римскому консулу. Я расскажу тебе все подробности последних недель, ладно, но не хочу забивать всем этим голову моему Реми, – лукавил отец, – Иди-ка, Рем, вон к тому столику, видишь там две козочки скучают и посматривают на тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.